

Александр ВЕРХОВСКИЙ

Эволюция постсоветского движения русских националистов*

Тема этой статьи уже, чем тема эволюции русского национализма в целом (и тем более — чем тема национализма в России), так как последний отнюдь не исчерпывается политическими партиями, движениями и группировками националистического толка, но включает также общественные настроения, трансформацию некоторых институтов, различные практики власти и общественных акторов. Националистическое движение¹, однако, имеет смысл рассматривать не только в такой широкой рамке, но и в перспективе самого движения — если не буквально «глазами националистов», то хотя бы в таком ракурсе, который позволяет понимать их мотивацию. Такой подход обязывает нас обращать больше внимания не на изменение ситуации в стране в целом, а на идейную и организационную эволюцию националистов, на их отношения друг с другом, с властями и с иными акторами.

* Первоначальная версия этой статьи была ранее опубликована, см.: Eurasian Review. 2010. Volume 3 (<http://www.evrazia.or.kr/review/01Verkhovskii.pdf>). В 2010 г. она писалась параллельно с другой статьей (Верховский А., Паин Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М.: Три квадрата, 2010. С. 171–210), в результате чего, во-первых, в данной статье есть определенные повторы по отношению к нашей совместной с Эмилем Паиным работе, а во-вторых, данная статья отчасти полемизирует с тем подходом, который мы тогда смогли совместно применить к современному русскому национализму. События на Манежной площади в декабре 2010 г. резко актуализировали проблему националистического движения в общественном сознании. Но к моменту сдачи статьи в печать, в феврале 2011 г., эти события потребовали лишь незначительных изменений в уже проведенном анализе.

¹ Национализм понимается как связанный набор политических идей, характерных для эпохи модерна, основанных на натурализации представления о нации и направленных на реализацию «интересов» нации путем ее объединения, укрепления ее идентичности и придания ей государственного суверенитета (Smith A. Nationalism and Historian // International Journal of Comparative Sociology. 1992. XXXIII. № 1–2). Эта идея удачно развита Бройи (см.: Бройи Д. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 201–235). Националистическим движением в современном мире, где национализм как таковой уже давно не новость, стоит считать совокупность активистских групп любого рода, чьи взгляды и деятельность обусловлены идеями национализма в первую очередь, а не только в какой-то степени.

Описывая эволюцию некоего движения, мы должны представлять себе границы описываемого феномена. Как ни странно, гораздо легче очертить границы не русского национализма, а движения русских националистов. Под движением следует понимать не всех людей, разделяющих или даже пропагандирующих националистические взгляды, а именно участников постоянных или временных общественных объединений, которые определяют себя как русские националисты или понимаются так другими группами и наблюдателями, знакомыми с их активностью. Эти объединения распознают друг друга как таковых, хотя распознавание может носить и положительный характер («соратники» или даже «единомышленники»), и отрицательный («не настоящие националисты» и т.п.). Иначе говоря, эти группы людей могут объединяться или конкурировать за право представлять русский национализм. Хотя они очень по-разному понимают этот термин, наблюдается однозначное различие других групп на тех, с кем возможна такая коммуникация, и тех, кто заведомо стоит вне этого круга и не заслуживает критики как заведомый ненационалист.

Как же происходит это распознавание «свой—чужой»? Судя по тому, что сами русские националисты пишут по этому поводу, ориентация происходит по двум критериям. Первый — использование определенной риторики, которую — просто по словарному ряду — можно определить как националистическую и/или патриотическую. Второй — позиционирование по отношению к более ранним формам и группам движения, хотя оно может определяться как положительно (преемственность), так и отрицательно (декларирование «правильного» национализма против ошибок и отклонений предшественников). И второй критерий явно важнее первого.

Мы, как внешние наблюдатели, не можем пользоваться теми же критериями для определения границ движения, так как связи, наблюдаемые извне, всегда выглядят не так, как связи,

наблюдаемые изнутри (и внутри они тоже выглядят по-разному в зависимости от места внутреннего наблюдателя в движении: например, если такой наблюдатель симпатизирует восставшему монархии, он будет шире включать разного рода монархистов в свой образ движения). Но и исходить из какого-то своего жесткого понимания национализма тоже не следует, так как это было бы явным навязыванием объекту исследования концептуальной рамки, которая, может быть, объекту и не подойдет. Так же подходит к исследованию русского национализма в целом Марлен Ларюэль¹, наиболее систематически к данному моменту описавшая этот феномен².

М. Ларюэль ссылается при этом на исследователя национализма совсем другой эпохи, который дал такое определение: национализм — это «система мышления, в которой идея нации преобладает»³. Но это, видимо, недостаточно политическое определение: идея нации может «преобладать», но не порождать никакой политической программы, как это и происходит в сознании многих российских граждан, которые лишь пассивно придают большое значение «национальному вопросу», но никаких определенных взглядов не придерживаются. Значит, говоря о движении националистов, мы должны к «системе мышления» добавить «направленность деятельности». Для националиста «нация» (в кавычках потому, что националисты могут весьма по-разному понимать этот термин) — это главная ценность (как для либерала — «свобода», для социалиста — «социальная справедливость» и т.д.), соответственно, его главная задача — улучшение положения своей «нации» в противодействии или союзе с другими. Типы националистов различаются по тому, как они определяют нацию (в первую очередь свою, ту, от имени которой они выступают) и какие меры они считают наиболее значимыми для улучшения ее положения.

В соответствии с таким пониманием национализма мы можем (пусть и не всегда однозначно, разумеется) выделить те политические группы и целые течения, для которых ценность «нации», пусть и очень важна, но не стоит на первом месте. Такие течения — не чуждые на-

ционализму, и националисты в какой-то степени признают их «своими», т.е. полемизируют с ними. Более того, эти течения могут оказывать существенное влияние на развитие национализма, если они сами обладают значительным общественным весом. Можно привести два наиболее показательных примера — это Русская православная церковь (РПЦ) и Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ): обе эти структуры не просто придают большое значение «нации», но даже выдвигают свои версии русского национализма, весьма значимые для российского общества в целом и, соответственно, для русского националистического движения в частности, и все же на первом месте для них стоит явно не ценность «нации». Поэтому такие организации обязательно надо рассматривать в связи с историей русского националистического движения, но нельзя считать его частью.

Нисходящий тренд 90-х. 90-е гг. были периодом нарастающего (или, по крайней мере, неубывающего) беспокойства в российском обществе, вызванного «подъемом национализма». Ретроспективно стало очевидным, что то десятилетие можно назвать подъемом национализма, только если брать за точку отсчета 1989-й или 1990 г., но при такой точке отсчета окажется, что любое идейное движение испытало подъем, так как в 1989–1990 гг. все они только складывались.

Электоральная динамика. Видимо, наивысшей точкой, достигнутой пока русским национализмом, следует считать период 1993–1995 гг. Именно тогда радикальные русские националисты могли участвовать в политике с оружием в руках и, если не побеждать, то наживать значительную популярность, как Русское национальное единство (РНЕ) Александра Баркашова в вооруженном противостоянии президента и Верховного Совета; могли набирать максимальное по сравнению с другими партиями количество голосов на выборах, как Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) Владимира Жириновского на выборах в первую Думу; их единомышленники попадали в федеральное правительство (как Борис Миронов, бывший краткое время в 1993–1994 гг. председателем комитета РФ по печати, и до, и после этого выступавший как пламенный ультра-националист и антисемит), а в истеблишменте возникали серьезные националистические проекты (Конгресс русских общин Олега Скокова и Александра Лебеда образца 1995 г.).

¹ Ларюэль М. Размышления на тему «русский национализм» как предмет исследования // Современные интерпретации русского национализма / Под. ред. М. Ларюэль. Stuttgart: Ibidem, 2007. С. 7–8.

² Laruelle M. In the Name of the Nation. New York: Palgrave Macmillan, 2009.

³ Lavroff D.G. Histoire des idées politiques depuis le XIXe siècle. Paris: Dalloz, 1991.

С тех пор и до конца десятилетия политический вес радикальных русских националистов неуклонно снижался. Поскольку федеральные выборы в 1990-е гг. были почти полностью свободными и результаты их фальсифицировались сравнительно мало (президентские выборы 1996 г. — более спорный случай), для оценки популярности националистов можно опираться на их электоральные результаты¹.

В выборах на Съезд народных депутатов РСФСР весной 1990 г. националисты, как и другие новые политические движения, участвовали в слишком малой степени, чтобы стоило эти выборы учитывать. Начинать имеет смысл с президентских выборов 1991 г., хотя они, конечно, были еще не вполне свободными. Два кандидата-националиста, Владимир Жириновский и Альберт Макашов (генерал-коммунист, в будущем — видный представитель радикально-националистического крыла КПРФ), в сумме набрали 11,55% голосов (мейнстримные коммунисты тогда еще не имели столь явного националистического окраса).

В это время национализм переживал подъем наряду со всеми другими идейными течениями в стране. К парламентским выборам декабря 1993 г. все эти течения достигли своего максимального уровня. С другой стороны, немалая часть националистических политиков не могла участвовать в выборах, так как была отстранена за участие в силовом противостоянии в октябре. В результате в Думу прошли по одномандатным округам несколько активных участников националистического движения — в первую очередь, от Российского общенародного союза (РОС) Сергея Бабурина, — а в голосовании по спискам участвовали только ЛДПР и КПРФ, которые тогда отторгались движением за неучастие в октябрьских боях и не вполне идентифицировались избирателем как националистические. ЛДПР собрала 22,92% голосов, а КПРФ — 12,4%, т.е. в сумме — 35,32%.

Два года спустя в выборах участвовали девять списков, так или иначе ассоциируемых с национализмом. Из них в полной мере могли быть отнесены к движению русских националистов только Движение «Держава» Александра Руцкого, блок «Власть — народу!» Сергея Бабурина, Николая Рыжкова и Станислава Терехова и Национально-республиканская партия России (НРПР) Николая Лысенко. Эти три спи-

ска выступили очень слабо, собрав 2,57, 1,61 и 0,48% соответственно, и в Думу не попали. Прошли туда КПРФ (22,3%) и ЛДПР (11,18%), и едва не попал Конгресс русских общин (КРО), новая, умеренная и тогда весьма уважаемая националистическая организация (4,31%). Но всего девять списков собрали явно больше, чем в 1993 г., — 43,85% голосов. Попали в Думу и националисты-одномандатники, и опять преимущественно — от РОС. Это был пик успеха.

Но следует учитывать, что голоса КПРФ были отданы зачастую безо всякой националистической мотивации, да и ЛДПР — тоже. ЛДПР, не выступавшая последовательно со своей националистической программой и очень склонная к договоренностям с исполнительной властью, была скорее тормозом для националистического движения. КПРФ, стремясь к монополизации на поле умеренной оппозиции «режиму Ельцина», своими успехами также скорее мешала развитию движения националистов. Хотя в I и II Думе существовало стабильное антиельцинское большинство, не чуждое национализма, участники националистического движения, в том числе в самой Думе, не воспринимали это большинство как свое.

Уже на президентских выборах 1996 г., даже если рассматривать только первый тур, более открытый и честный, националисты выступили слабее: Г. Зюганов, В. Жириновский и выступивший от имени радикального националистического крыла экс-чемпион мира по штанге Юрий Власов собрали 32,03, 5,7 и 0,2% соответственно, т.е. в сумме 37,93% (генерал Александр Лебедь, баллотировавшийся независимо от умеренно-националистического КРО, совершенно не выступал как националист, поэтому голоса, отданные за него, засчитывать не стоит).

Следующие федеральные выборы прошли после значительного промежутка — в декабре 1999 г. Они все еще были достаточно открытыми для участия, и подсчет голосов еще не полностью искажал результаты. И все же наиболее радикальный список националистов — созданный при участии РНЕ и ЛДПР блок «Спас», список которого возглавил сам А. Баркашов, — не был зарегистрирован, и сделано это было с явными нарушениями процедуры. На выборы вышли семь националистически окрашенных списков, но выступили они гораздо хуже, чем четырьмя годами ранее. КПРФ даже улучшила результат до 24,3%, а вот ЛДПР не без труда прошла барьер — 5,98%. Остальные списки не набрали и 1% голосов (КРО, лишившись ключевых фигур, получил 0,67%, созданное

¹ Михайловская Е. Итоги парламентских выборов 1999 г. для национал-патриотов (в том числе имперской направленности). Отсчет уопленников // Национал-патриоты, Церковь и Путин. М.: Центр «Панорама», 2000. С. 20–32.

А. Макашовым Движение в поддержку армии — 0,58%, РОС — 0,37%, блок «Русское дело», объединивший ряд небольших националистических организаций, — 0,17%, а движение «Духовное наследие» умеренно-националистического экс-идеолога КПРФ Алексея Подберезкина — и вовсе 0,1%). Суммарный результат — 32,17%, и почти весь этот электорат — электорат КПРФ, которая к этому времени сильно сбавила в националистической риторике (не зря партию покинул А. Подберезкин). Одномандатников у националистов стало меньше, при сохранении лидирующих позиций РОС (но сам Сергей Бабурин в Думу не прошел, что резко снизило вес его движения), и в новой Думе не оказалось ни одного действительно радикального депутата-националиста.

Иначе говоря, национализм в том виде, в котором он был известен российским гражданам, явно сдавал позиции. Интригой выборов 1999 г. было противостояние двух больших коалиций правящего чиновничества («Единство» и «Отечество — Вся Россия»), а противостояние с националистами и даже с коммунистами отошло на второй план. Обе конкурирующие коалиции, помимо прочего, разрабатывали свои версии национализма, но это не имело никакого отношения к существовавшему движению русских националистов.

Стремительное объединение основных конкурентов декабрьских выборов сделало последовавшие 27 марта 2000 г. президентские выборы референдумом по утверждению Владимира Путина на посту президента. Почти все кандидаты националистического движения, включая Баркашова, просто не были зарегистрированы, в выборах русский национализм снова была представлен Жириновским и Зюгановым и не претендующим на многое Подберезкиным. При этом часть русских националистов не только не поддержала этих кандидатов, но прямо выступала в поддержку Путина: не считая мелких групп, так выступили РОС С. Бабурина, Русский общенациональный союз (РОНС) Игоря Артемова, КРО, возглавляемый в то время Дмитрием Рогозиным, и Национально-патриотический фронт «Память» Дмитрия Васильева (впрочем, этот патриарх радикального национализма ранее уже поддерживал Ельцина против Зюганова)¹.

На выборах (а Путин выиграл их в один тур) Зюганов набрал 28,99% голосов, Жиринов-

¹ См.: Прибыловский В. Национал-патриоты на президентских выборах-2000 // Национал-патриоты, Церковь и Путин. М.: Центр «Панорама», 2000. С. 60–74.

ский — 2,7%, а Подберезкин — 0,13%, что в сумме составило 31,82% — фактически то же самое, что за четыре месяца до этого, но если сравнить проценты конкретных партий/кандидатов, видно, что удельный вес национализма в этом оппозиционном голосовании снизился.

В тот момент можно было сказать, что русский национализм как атрибут оппозиции перестал работать: Зюганов выглядел в те месяцы не существенно большим националистом, чем Юрий Лужков, а многие националисты возлагали большие надежды на В. Путина.

Основные идейные тенденции русского национализма 90-х гг. Годы перестройки и начало 90-х были периодом, когда доминировало представление об «идеологическом вакууме», якобы образовавшемся в результате краха советской идеологии. Представление об этом «вакууме» держится в публичном дискурсе до сих пор, но оно не было верным и тогда: в головах у людей никогда не бывает «вакуума», идеи не исчезают, но сразу замещаются или трансформируются. Так или иначе, начало 90-х было периодом, когда сторонники самых разных идейных течений вступили в борьбу за умы граждан. Предсказать результат этой борьбы было совершенно невозможно, но можно было рассчитывать если не на победу, то по крайней мере на внедрение в популярный дискурс каких-то своих понятий, а ведь это уже немало.

Если говорить об идейных течениях русского национализма, то им многое в этом смысле удалось, но сами они, как будет показано ниже, не смогли получить дивиденды от своих успехов. Рассмотрим вкратце основные из этих идейных течений, не сосредоточиваясь на истории тех организаций, которые эти идеи представляли².

Наиболее естественной формой постсоветского русского национализма было прямое наследование представлений советских но-

² Организационно-идеологическая структура русского национализма 90-х достаточно представлена в работах В. Прибыловского и других моих коллег по Центру «Панорама» (Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996; Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996; Верховский А. Радикальные националисты в России в начале президентства Путина // Национал-патриоты, Церковь и Путин. М.: Центр «Панорама», 2000. С. 100–110). Более детальный обзор идейных течений 90-х, а также предварительный анализ изменений 2000-х и соотношения националистического движения с политикой властей дан в статье: Верховский А. Идейная эволюция русского национализма: 1990-е и 2000-е гг. // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С. 6–32.

менклатурных националистов¹, которые идеализировали позднесталинскую империю как реинкарнацию русской империи. Для наследников так называемой «русской партии» советский, сталинский миф вполне органично сливался с этническим русским мифом; реальный советский коммунизм понимался как эманация «русского духа», а не как импортированная западная идеология. Некоторые чаще называли себя коммунистами, некоторые предпочитали самоназвание «патриот», уже в перестройку возникло и самоназвание «национал-патриот». Самоназвание «националист» в силу устойчивых негативных коннотаций, сложившихся в советские годы, не использовалось. Оппоненты называли их «красными патриотами» и даже «красно-коричневыми».

Именно эти настроения были доминирующими в широкой оппозиционной коалиции 1993 г. — Фронте национального спасения. После краха октября 1993-го эти настроения сконцентрировались в КПРФ, которая в 1996—1999 гг. возглавила пеструю оппозиционную коалицию — Народно-патриотический союз России (НПСР, с 2000 г. эта коалиция отделилась от КПРФ и сразу перестала играть какую-либо роль).

В 90-е гг. целью «красных патриотов» была реставрация СССР, но в более русском духе. Однако цель эта становилась все более призрачной по мере того, как граждане адаптировались к постсоветской ситуации.

Второй по естественности формой русского национализма было возрождение националистической традиции дореволюционной «черной сотни», что хорошо укладывалось в популярное в перестройку представление о возврате к «России, которую мы потеряли». В начале XX в. черносотенное движение стремилось превратить империю Романовых в империю с этническим самоопределением метрополии. Возрождение черносотенства в постсоветских условиях означало прежде всего реконструирование этой православной политической идеологии, что оказалось просто невозможно из-за неприемлемости архаичной риторики новых «черносотенцев», в первую очередь религиозной. В высочайшей степени секуляризованное постсоветское общество смогло предоставить новым черносотенцам лишь тонкий слой неопитов, увлекшихся православием в его имперско-архаической политизированной версии². Но «новые черно-

сотенцы» все же внесли огромный вклад в движение русских националистов, приучив его рассматривать религиозное возрождение как аспект возрождения политического.

Первая половина 90-х стала временем бурного роста популярности понятия «евразийство», хотя неоевразийство 90-х имело весьма отдаленное отношение к наследию русских евразийцев 20-х гг. Основатель и первый пропагандист неоевразийства Александр Дугин, сам понимал его как специфическую русскую разновидность фашизма³, и на практике деятельность Дугина заключалась в индоктринировании русских националистов идеями европейских «новых правых», в чем он немало преуспел⁴. Деятельность Дугина была направлена на две цели — повлиять на изменение общественных настроений в целом и создать мощное политическое движение в духе «новых правых».

По второму пути он далеко продвинулся, когда в 1994—1998 гг. был идеологом Национал-большевистской партии (НБП) Эдуарда Лимонова. НБП с ее ориентацией на ранний левый фашизм а-ля Штрауссер и активной контркультурной позицией стала очень притягательна для значительной части оппозиционной молодежи, не только ультраправой, но и ультралевой. Трудно сказать, как развивалась бы далее НБП, если бы Дугин не рассорился с Лимоновым и не покинул партию. Примерно до 2004 г. НБП двигалась в целом по предписанному Дугиным пути, но изменение ситуации в стране привело, в конце концов, к резкому развороту партии (см. ниже). Группы, продолжающие тот же курс, включая Евразийский союз молодежи, почти не оказывают влияния на общество в целом.

Более успешным неоевразийство оказалось в непартийном формате. Книги Дугина стали популярны в самых разных кругах. По ним даже начали преподавать в высших учебных заведениях. В этом массовом варианте дугинские идеи гораздо меньше связаны с фашистской традицией. Неменьшее влияние получила идея

¹ Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг. М.: НЛО, 2003.

² Каарийнен К., Фурман Д. Старые церкви, новые верующие. СПб., М.: Летний сад, 2000. С. 7–78.

³ Понятие «фашизм» в этой статье используется в том значении, которое придает ему Роджер Гриффин. Фашистским можно считать радикально-националистическое движение, направленное в первую очередь на революционное перерождение нации (*Griffin R. The Nature of Fascism. London: Routledge, 1993*). И это понимание фашизма вполне применимо к Дугину, см.: Умланд А. Три разновидности постсоветского фашизма. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультрационализма // Современные интерпретации русского национализма / Под. ред. М. Ларюэль. Stuttgart: Ibidem, 2007. С. 129–170.

⁴ Ларюэль М. Александр Дугин, идеологический посредник // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским предрасположениям. М.: Центр «Сова», 2005. С. 226–253.

славяно-тюркского единства как основы России, популяризированная Львом Гумилевым. Но Гумилев придал меньшую популярность своим представлениям о развитии этносов как биологических организмов: эта гумилевская концепция, гораздо более расистская, чем у Дугина или «новых правых», стала в России уже в 90-е неотъемлемой частью популярных представлений о социуме¹. К этому остается добавить идею столь же дуалистической «духовной основы» России в виде симбиоза православия и ислама.

Я бы назвал широко распространенные представления о славяно-тюркской и православно-мусульманской основе России «приблизительным евразийством». Именно эти представления, не отягощенные другими элементами евразийского наследия, разделяют многие высокопоставленные персоны. И некоторых из них Дугин в конце концов сумел собрать в начале 2000-х в руководстве своего Международного евразийского движения (МЕД)². Однако МЕД не стал реальным политическим проектом. Для нашей темы не менее значимо, что само понятие евразийства уже к концу 90-х достаточно решительно отвергалось всеми течениями русского национализма.

Несмотря на значительное влияние неоевразийцев, актуальное и до сих пор, надо признать, что неоевразийство как политическая идеология оказалось слабо, а «приблизительное евразийство» так и не обрело свойств идеологии, способной как-то структурировать политическое пространство.

Протестная романтизация нацизма возникает уже в советские годы, и в период краха СССР эта форма антисоветского протеста обеспечила достаточно массовый приток молодежи в организации, явно стилизующиеся под нацизм, в первую очередь в РНЕ. В середине 90-х РНЕ уже подмяло под себя чуть ли не все ориентирующиеся на фашизм ультраправые расистские группировки. При этом фашистской или нацистской РНЕ назвать было трудно: РНЕ одобряло Гитлера, но культивировало традиционный русский патриотизм, организация

числилась православной, но взгляды лидера и многих активистов были чрезмерно экзотичны для того, чтобы принять такую самоидентификацию, и т.д. РНЕ было военизированной организацией, но было вовлечено в сравнительно небольшое (для огромного размера организации — до 15 тыс. человек в лучшие времена) количество насильственных акций. Если что было у РНЕ от нацизма — это атрибутика и сугубо расистский подход к национализму. Если Стивен Шенфилд³ считал РНЕ образцом «русского фашизма», об угрозе которого много говорили в 90-е гг., то Андреас Умланд⁴ (2007) склонен считать РНЕ скорее образцом имитационного фашизма, и эта оценка представляется более точной, хотя внутри РНЕ можно было найти разные идейные группы, в том числе и действительно неонацистские. В 2000 г. РНЕ развалилось на много небольших организаций — отчасти под давлением властей, отчасти из-за собственной бездеятельности⁵. С тех пор РНЕ не исчезло с ультраправой сцены (особенно в некоторых регионах), но в федеральном масштабе уже не может рассматриваться как серьезная сила.

А неонацистская эстафета была подхвачена движением наци-скинхедов, возникшим в России еще в середине 90-х, но достигшим заметного размаха только к концу десятилетия. Движение было явно скопировано с аналогичного западноевропейского. Принципиальным отличием наци-скинхедов от «старших товарищей» были беспартийность, анархическая горизонтальная самоорганизация, несклонность к систематическому идеологизированию. Молодые неонаци откровенно не доверяли известным националистическим лидерам, хотя случаи сотрудничества со «старыми» радикально-националистическими организациями все же были; более других в этом преуспели Народная национальная партия (ННП) и Партия свободы, но в 2000-е обе они пришли в полный упадок⁶. Теоретически движение наци-скинхедов должно было опираться на идеологию White Power, но на практике уже через не-

¹ Шнирельман В. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3; Ларюэль М. Опыт сравнительного анализа теории этноса Льва Гумилева и западных новых правых доктрин // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 1.

² Удивительный этот список от высокопоставленных политиков до вымышленных персонажей можно видеть здесь: Руководство Международного «Евразийского Движения» // Сайт МЕД. (<http://evrazia.info/modules.php?name=News&file=article&sid=1908> — проверено 11.07.2010).

³ Shenfield S. Russian Fascism. Traditions, Tendencies, Movements. Armonk: M.E. Sharpe, 2001.

⁴ Умланд А. Три разновидности постсоветского фашизма. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультранационализма // Современные интерпретации русского национализма / Под. ред. М. Ларюэль. Stuttgart: Ibidem, 2007. С. 129–170.

⁵ Лихачев В., Прибыловский В. Русское Национальное Единство, 1990–2000. В 2-х т. Stuttgart: Ibidem, 2005.

⁶ Кожевникова Г., Шеховцов А. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009, с. 70–77, 189–196.

сколько лет наци-скинхедом мог стать любой хулиган, хоть в какой-то степени разделяющий агрессивно этноксенофобные представления основателей движения. Наци-скин-движение лишь в ядре своем (точнее, в разрозненных ядрах) является неонацистским, в массе же своей оно просто агрессивно расистское, но равнодушно к остальным идеологическим моментам.

Целая серия громких нападений на «инородцев» в начале 2000-х гг. сделала наци-скинхедов чуть ли не синонимом «русского фашизма» вместо РНЕ. Таким образом, наци-скинхеды — по сути, скорее феномен 2000-х¹, но нельзя не отметить, что вызрел он как раз на фоне упадка остальных течений русского национализма к исходу 90-х.

Наконец, стоит упомянуть и такую форму русского национализма, как идея обособления этнического русского сообщества от «инородцев», т.е. ориентация на превращение России в максимально «этнически чистое» национальное государство. Эта «оборонительная», принципиально антиимперская форма этнонационализма получила относительно широкую поддержку благодаря Александру Солженицыну, выступавшему за «сбережение» русского народа путем отказа от бремени империи.

Задача обособления этнических русских особенно остро ставила вопрос об определении такой социальной группы. Сам Солженицын выступал за культурное определение, но оно слишком инклюзивно для реального обособления на постсоветском пространстве и тем более в пределах Российской Федерации. И большинство сторонников обособления определяло этнических русских скорее «по крови». (Существовали даже сторонники реального раздела России на «национальные республики» и «Русскую республику», но таких радикалов было мало — например, Русская партия.)

Доктрина обособления исходила из того, что стабильное государство не может быть построено в такой полиэтничной стране, как сегодняшняя Россия: слишком свеж был пример распада СССР. Однако к концу 90-х ощущение угрозы распада Российской Федерации заметно ослабло, выдохлись националистические

движения так называемых «титовых народов» республик (Чечня — особый случай)². Таким образом, «оборонительная» аргументация в пользу обособления этнических русских внутри России в значительной мере потеряла убедительность. Но сама идея защиты этнических русских как основной цели русского национализма не умерла.

Постановка вопроса о nation state, пусть и в чисто расистском ключе, была связана и с отказом от характерной для всех течений русского национализма реакционности. Уже в середине 90-х возникает кружок авторов, стремящихся понимать русский национализм не как стремление вернуться в тот или иной «золотой век» (СССР, империю Романовых, Московское царство или чужой Третий рейх), а как стремление к модернизации общества по тому пути, которым шли многие европейские страны, — построения этнически понимаемого nation state (этничность понималась при этом в расистском духе). Остальные идейные разногласия предлагалось считать второстепенными. Эти авторы группировались вокруг альманаха «Золотой лев» и «Национальной газеты». Они имели определенное влияние на формирование документов такой организации, как КРО. Апологетические воспоминания и некоторые документы этой группы недавно опубликованы³. Но все-таки в 90-е гг. такое понимание национализма было довольно редким.

2000-е гг.: конкуренция этнонационализма и «цивилизационного национализма». 1999–2001 гг. стали во многом переломными для движения русских националистов, хотя не все факторы перемен были сразу оценены наблюдателями.

Во-первых, как уже говорилось, ослаб массовый шок от распада СССР и советского общественного уклада. В результате стала менее актуальной не только ностальгия по СССР, но и националистическая ностальгия по Российской империи, так как она была подвижна во многом энергией отрицания советского наследия. Приход «сильной власти» в лице В. Путина подвел черту под периодом этого отрицания («проклятыми 90-ми»). Хотя в 1999 г. наблюдалось что-то вроде борьбы между более или менее просоветскими настроениями (между блоком Юрия Лужкова и Евгения Примакова и кланом Ель-

1 Подробнее о наци-скинхедах того периода лучше всего написано в трудах: Лихачев В. *Нацизм в России*. М.: Центр «Панорама», 2002, с. 108–136; Тарасов А. *Бритологовые // Дружба народов*. 2000. № 2. Более поздние тенденции отражены в работах: Тарасов А. *Скинхеды в России Путина: новейшие тенденции // Русский национализм в политическом пространстве*. М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007. С. 156–165; Шнирельман В. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Academia, 2010. С. 63–152.

2 Паин Э. *Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России*. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 178–247.

3 Сумин В. *Документы национального единения. К истории современного русского движения // Вопросы национализма*. 2010. № 1.

цина), с 2000 г. альтернатива исчезла, что было вскоре закреплено в путинском символическом компромиссе: флаг, ассоциирующийся с демократическим движением начала 90-х, почти имперский герб и советский гимн с новым патриотическим текстом, включающим строчку «хранимая Богом родная страна». Одним из элементов путинской программы (неформальной, конечно) стало примирение с отечественной историей. Конечно, практическое воплощение этой программы вызывает очень много нареканий, в том числе у националистов, но сам переход от официального осуждения советского периода к его официальному приятию выбил почву из-под ног оппозиционного «красного патриотизма».

Во-вторых, та же путинская программа подразумевала меры по утверждению внешнеполитической самостоятельности России, включая элементы империалистической политики (в отношении так называемого «ближнего зарубежья») и активную антизападную политику — по крайней мере, в риторическом плане. Точнее, поворот в российской внешней политике обозначился еще в 1999 г. в ходе косовского кризиса (знаменитый разворот Примакова над Атлантикой). В 1999 г. началась и новая война в Чечне, причем обстоятельства ее начала (взрывы домов в Москве и вторжение сил исламистского крыла чеченских сепаратистов в Дагестан) обеспечили новой кампании широкую поддержку. Впервые государственная власть делала в существенных масштабах именно то, что хотели националисты, и на некоторое время это резко понизило их оппозиционность. Конечно, националисты довольно быстро удостоверились, что В. Путин не собирается проводить их программу, и оппозиционные настроения среди них вновь усилились, но значительная часть националистической повестки дня — антивестернизм и «державничество» — были уже явно перехвачены властью.

В-третьих, в те же годы резко и до сих пор необратимо повысились этноксенофобные настроения, и это зафиксировано в систематических опросах Левада-Центра¹. Процент людей, разделяющих достаточно жесткие этноксенофобные предрассудки, вышел на уровень около 55% опрошиваемых и с тех пор незначительно колеблется вокруг этой цифры. Подъем ксенофобии, несомненно, был связан с косовским кризисом и началом второй чеченской кампа-

¹ Гудков Л. «Россия для русских»: ксенофобия и антииммигрантские настроения в России // Нужны ли иммигранты российскому обществу? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 31–78.

нии. Но в целом враждебность оказалась направлена не только на американцев и чеченцев (США и «чеченские боевики» до сих пор лидируют в списке «врагов России», судя по данным Левада-Центра), она быстро распространилась на очень широкий круг целей. (Сам этот феномен быстрого расфокусирования ксенофобной реакции, когда уже через пару месяцев изначальный объект вражды, например чеченцы, уходит на второй план, был неоднократно замечен при мониторинге массмедиа в посткризисные периоды², так что многообразие целей этноксенофобии в России неудивительно.) Более того, эта широкая ксенофобия быстро обрела новую и очень популярную концептуализацию в виде вражды к «мигрантам»³. При этом следует понимать, что термин «мигрант» в сегодняшней России отнюдь не тождествен термину «иммигрант»: под «мигрантом» понимается любой человек якобы «некоренной» для данного региона (части страны, области) этничности, приехавший (реально или только предположительно) в этот регион. Вторую волну ксенофобии — антимусульманскую — породило 11 сентября, очень серьезно воспринятое российским обществом (теракты чеченских сепаратистов понимались до этого скорее в этническом, чем в религиозном ключе), но масштаб религиозной ксенофобии несравним с масштабом ксенофобии этнической⁴.

Возрождение движения русских националистов. Суммарный результат этих изменений отразился на русских националистах довольно быстро. Те из них, кто в принципе был способен находиться в оппозиции (в отличие, например, от В. Жириновского), не могли скрыть

² Этническая и религиозная интолерантность в российских СМИ, 2005. Результаты мониторинга 2001–2004 гг. / Под ред. А. Верховского и Г. Кожевниковой. Stuttgart: Ibidem, 2005. С. 87–89.

³ Гудков Л. «Россия для русских»: ксенофобия и антииммигрантские настроения в России // Нужны ли иммигранты российскому обществу? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 31–78.

⁴ Как ни странно, обе чеченские войны повлияли на динамику неприязни к исламу не очень заметно, в отличие от 11 сентября. «Плохое» или «очень плохое» отношение к исламу выразили в 1996 г. 22,8% россиян, в 1999-м — 16,5% (до начала войны), в 2002-м — 20,7%, в 2005-м — 19,6%. Для сравнения: россияне в 2005 г. относились к исламу хуже, чем к католицизму, но заметно лучше, чем к буддизму, старообрядчеству, иудаизму, не говоря уж о разных протестантских течениях (Фурман Д., Каарийнен К. Религиозность в России в 90-е гг. XX — начале XXI в. М.: Огни ТД, 2006. С. 22).

Неприязнь к мусульманам как таковым отчасти подпитывалась и подпитывается идейной неприязнью к исламу, но она всегда существенно ниже. И во второй половине 2000-х неприязнь к мусульманам в России только снижалась (Unfavorable Views of Jews and Muslims on the Increase in Europe. Web-site of Pew Global Attitudes Project, 2008, 17 сентября (<http://pewglobal.org/reports/pdf/262.pdf> — проверено 19.08.2010).

своего разочарования в В. Путине, который не шел с ними ни на какое сближение и не отступал в целом от либерального экономического курса, проводил националистическую политику, далекую от этнического национализма, пошел на стратегический союз с Западом после 11 сентября. Националисты не могли не оппонировать новому режиму. При этом имперская компонента их мировоззрения была властью во многом перехвачена. Зато у националистов появился шанс опереться на быстро распространяющуюся «мигрантофобию». Так чистый этнонационализм стал гораздо более востребованным, чем за несколько лет до этого.

Следует учитывать и существенное изменение в активе националистического движения к 2002–2003 гг. Многие из прежних активистов отошли от дел или просто состарились, зато на смену им пришли сотни, а затем и тысячи молодых людей, состоящих в группах наци-скинхедов или недавно там состоявших. По большей части новое поколение не вливалось в старые организации, но оно представляло собой желанный актив для лидеров. И этот актив в идеологическом плане интересовался, по сути, только одним пунктом программы – биологическим русским расизмом.

Возникший запрос взялось удовлетворить Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ), созданное в 2002 г. выходцами из нескольких националистических организаций. ДПНИ возникло как группа, защищавшая участников армянского погрома, случившегося в небольшом подмосковном городе, и это отражало основной посыл нового движения: продолжающийся приток «мигрантов» воспринимался как агрессия «инородцев», от которой русский народ должен защищаться. Соответственно, позитивная цель ДПНИ – создание этнически определяемого русского nation state и жесткая политика по отношению к иммигрантам, да и вообще к нерусским.

Принципиальной новацией ДПНИ был полный отказ от обсуждения иных пунктов возможной программы. ДПНИ могло, конечно, иногда высказаться на какие-то иные темы, кроме очень широко понимаемых «нелегальных мигрантов», но чаще всего это были не темы из традиционного националистического набора, а просто социально ориентированная демагогия по тому или иному поводу. Другой новацией был отказ от позиционирования движения как оппозиционного: ДПНИ не было ни за, ни против Путина, оно и в этом последовательно игра-

ло роль партии одного требования. ДПНИ было не структурой партийного типа, а скорее горизонтальной агломерацией групп единомышленников, согласие между которыми требовалось по одному пункту (чтобы не дразнить ни соратников, ни власти, ДПНИ даже не пыталось регистрироваться). Лидер ДПНИ Александр Белов (а за ним и другие активисты) научился выступать так, чтобы его никак нельзя было обвинить в возбуждении этнической вражды: он вообще старался обходиться без этнонимов (кроме «русских»), акцентируя внимание на общепризнанной уже тогда «проблеме регулирования миграции». Во многом ДПНИ старалось копировать легальные ультраправые партии Западной Европы (а потом действительно установило с ними связи). Пафос нового движения был в том, чтобы сделать Россию «нормальным, как у всех» этнонациональным государством. Эти новшества сделали ДПНИ очень привлекательной структурой: Белова охотно приглашали многие СМИ, к ДПНИ могли примыкать самые разные люди – от наци-скинхедов до уважаемых бизнесменов националистических взглядов. И движение стало быстро расти.

На подъем этнической ксенофобии отреагировала в том же 2002 г. чуткая к новым веяниям ЛДПР – ксенофобная риторика стала заметно чаще использоваться ею на региональных выборах. Вслед за ЛДПР попыталась оседлать волну ксенофобных настроений КПРФ. А в 2003 г. решил отреагировать и Кремль – сверху был санкционирован проект создания предвыборного блока «Родина» на основе ряда движений и групп националистической, в том числе «красно-патриотической», направленности. Его основной задачей явно был отъем голосов у КПРФ на предстоявших в декабре выборах в Думу, но, видимо, имелось в виду также создание подконтрольного канала для проявления ксенофобных эмоций граждан.

Можно предположить, что в 2002–2003 гг. политическая элита как раз удостоверилась, что возникшее в 1999–2000 гг. статистическое «ксенофобное большинство» устойчиво. Более того, в те же годы понимание того, что в стране сложилось такое большинство, стало заметно во множестве высказываний в массмедиа. Многое из ксенофобной риторики, что представлялось к концу 90-х маргинальным, в эти годы быстро проникло в медийный мейнстрим, даже стало представляться чем-то вроде выражения общепринятого, обыденного знания. Благодаря этому граждане, составляющие «ксено-

фобное большинство», начали осознавать себя большинством. Конечно, от такого осознания до возможности политической мобилизации была огромная дистанция, тем более в условиях слабой и продолжавшей слабеть политической активности граждан, но и игнорировать эти новые настроения было уже невозможно.

«Родина» выступила в декабре 2003 г. действительно очень успешно, собрав 9% голосов, хотя блок был создан буквально в последний момент и многим избирателям был просто неизвестен. Хотя риторика «Родины» и тем более КПРФ на тех выборах была, пожалуй, даже менее ксенофобной, чем риторика ЛДПР. (А параллельно в ходе кампании по выборам мэра Москвы кандидат Герман Стерлигов, бизнесмен и активный националист, прямо с телеэкрана призывал расстреливать «инородцев».)

Конечно, парламентские выборы 2003 г. уже трудно было назвать вполне свободными и точно нельзя было назвать честными, но все же приведем их результаты. КПРФ получила всего 12,61% голосов, ЛДПР — 11,45%, «Родина» — 9,02%, «Единение» (маргинальная националистическая партия, основанная на несколько фантастической идеологии неоязыческого толка) — 1,17% (видимо, за счет первого места в бюллетене и сходства названия с правящей партией «Единая Россия»), «За Русь Святую» (блок православных фундаменталистов и националистов) — 0,49%, Партия «Русь» (чисто политтехнологический проект, разыгрывавший карту культурного этнонационализма) — 0,24%, Народная партия Российской Федерации (НПРФ; очень умеренная националистическая партия, позже ее актив растворился в «Справедливой России») — 1,18%, что в сумме дает 36,22% — даже больше, чем на федеральных выборах 1999–2000 гг. (причем без НПРФ и «Руси»), и эти проценты были, судя по предвыборной агитации, больше наполнены националистическим содержанием, чем тогда.

Изменение общественных настроений в сочетании с политическими успехами (в первую очередь «Родины», но не только) создало ощущение, что упадок второй половины 90-х сменился для русского национализма новым подъемом. «Родина» этим ощущением воспользовалась сполна и стала быстро набирать популярность.

Власть, конечно, приняла ответные меры. В президентских выборах в марте 2004 г. не стали участвовать (из лояльности к Путину, очевидно) ни Зюганов, ни Жириновский. Их заместители выступили очень слабо. Вместе с Сергеем

Глазьевым, наименее националистически ориентированным из лидеров блока «Родина», они набрали всего 19,27%. Да и тема национализма и этноксенофобии в президентской кампании звучала явно слабее, чем в осенней кампании¹.

Но подъем «Родины» и русского национализма в целом это не остановило. Партия «Родина», созданная на основе парламентского блока (мы здесь опускаем сложную динамику взаимоотношений внутри «Родины»), вела себя все более оппозиционно, и ее национал-популистская риторика уже всерьез беспокоила власти. В январе 2005 г. 14 депутатов от «Родины» и пять депутатов от КПРФ подписали известное «письмо пятисот», в котором призывали запретить все еврейские организации как экстремистские. Удивительно и политически значимо было не то, что в Думе набралось 19 антисемитов, а то, что 19 депутатов решились открыто выступить со столь радикальным предложением. На выборах в Московскую городскую думу в декабре 2005 г. «Родина» предположительно могла набрать 15% голосов, что сделало бы ее основной оппозиционной силой в столице². И коммунисты, и демократические партии уступали ей в конкуренции за это звание.

Между тем 4 ноября 2005 г. ДПНИ под прикрытием продугинского Евразийского союза молодежи провело в Москве первый «русский марш» — марш радикальных русских националистов, ставший с тех пор ежегодным и распространившийся на многие другие города. Шествие примерно двух с половиной или 3 тысяч человек по московским бульварам, завершившееся митингом практически под окнами президентской администрации, произвело сильное впечатление как на широкую публику, так и на самих националистов.

Очень важным для всех обстоятельством было то, что значительное большинство «русских маршей» тогда и впоследствии составляли участники молодежных националистических групп, ориентированных на насилие. Эти группы вызывали все возрастающее беспокойство общества и власти: если массовые погромы в Москве, организованные наци-скинхедскими бригадами, случавшиеся в 2001–2002 гг., не повторялись, то количество расистских нападе-

¹ Этническая и религиозная интолерантность в российских СМИ. Результаты мониторинга 2001–2004 гг. / Под ред. А. Верховского и Г. Кожевниковой. Stuttgart: Ibidem, 2005. С. 161–169, 175–184.

² Подробнее о короткой, но яркой истории партии «Родина» см.: Литков А. Партия номер четыре. «Родина» и окрестности. М.: Центр «Панорама», 2006.

ний, включая убийства, неуклонно нарастало¹. И эти группы явно стали самым массовым и уже незаменимым активом легально действующих националистических организаций типа ДПНИ. Для всех стало очевидно то, что внимательные наблюдатели отметили еще в начале десятилетия: движение русских националистов в целом, если рассматривать его не как совокупность организаций, а как сумму участвующих в нем людей, стало заметно более насильственным. И с тех пор грань между уважаемыми лидерами организаций и боевиками, входящими в эти организации, стала стремительно размываться.

Одновременно сравнительно молодое интеллектуальное крыло националистов смогло объединиться для разработки большого идеологического документа, который был назван «Русской доктриной»² (представлена была доктрина значительно позже): как и всякое объединение, это было признаком политического оптимизма.

Следует отметить также определенную перегруппировку среди тех, кого можно отнести к консервативным интеллектуалам нового, по сравнению с антилиберальными интеллектуалами 90-х, поколения (некоторые из них сами в 90-е были либералами). К сожалению, история интеллектуальных групп консервативного толка еще не написана, но все-таки можно констатировать видимое изменение в этой среде между 2003-м и 2005 г. Начало 2000-х, в связи с приходом Путина, ознаменовалось приливом интереса к консерватизму. Самоназвание «консерватор» широко распространилось. Наиболее заметным кружком консервативных интеллектуалов в 2003 г. стал «Серафимовский клуб»³. В нем было явное националистическое течение, но был очень слабо выражен этнонационалистический акцент, и основное внимание уделялось консерватизму как альтернативе либерализму, но при этом либерализм и даже лично либералы не отвергались вовсе. Примерно так же можно было охарактеризовать основной интернет-проект консервативного толка — «ГлобалРус». Конечно, тогда же были

и более широкие, более открытые для этнонационалистов интеллектуальные проекты, такие как Консервативный пресс-клуб (КПК), созданный в 2002 г. и возглавляемый Егором Холмогоровым и Михаилом Ремизовым.

«Серафимовский клуб» в 2004 г. перестал существовать (впрочем, его линию донине продолжает журнал «Эксперт», а «ГлобалРус» продержался до конца 2007 г.). Зато тогда же возник умеренный православно-националистический сайт «Правая.ру», а на базе КПК в 2005 г. родилось определенно националистическое Консервативное совещание, по составу уже очень близкое к авторскому коллективу «Русской доктрины». Конечно, процесс трансформации не был простым и однозначным. В том же 2005 г. Институт национальной стратегии стал поддерживать новую версию публицистического сайта «АПН», в котором консервативные нотки были тогда гораздо отчетливее националистических (что было связано с высокой актуальностью охранительных и империалистических настроений после украинской «оранжевой революции»). Анализ трансформации консервативных интеллектуалов затрудняет то, что они параллельно участвовали в разных проектах, в рамках которых могли высказываться по-разному. Но в качестве предварительной гипотезы можно сказать следующее: если в 2002–2003 гг. акцент делался на отказ от либерализма в пользу консерватизма, национализм понимался скорее как гражданский или имперский, но этнический компонент был выражен слабо, то в 2005 г. имперские настроения стали еще сильнее, и этнонационалистическое направление мысли стало вполне заметным.

Подъем и упадок национал-популизма как метода политической мобилизации. Подъем этнонационализма в 2005 г. стал настолько очевидным, что эта очевидность наложила отпечаток на развитие событий во все последующее десятилетие. Но следует различать ситуацию 2005–2007 гг., когда многим националистам казалось, что возможен политический успех их движения, и 2008–2010 гг., когда этот оптимизм заметно убавился. Для того чтобы прояснить это отличие, необходимо хотя бы вкратце описать последовательность политических событий 2005–2007 гг., касавшихся движения русских националистов.

Партии «Родина», ставшей непозволительно популярной, было отказано в участии в выборах в Московскую городскую думу в декабре 2005 г. (причем отказано по иску ЛДПР, которая обвинила «Родину» в ксенофобной предвы-

¹ Самые свежие данные о расистском насилии на момент написания статьи приведены в приложении к докладу: *Кожевникова Г.* Проявления радикального национализма и противодействие ему в России в первой половине 2010 г. // Сайт Центра «Сова». 2010. 14 июля (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2010/07/d19289/> — проверено 19.08.2010). Подробные таблицы регулярно приводятся в приложениях к докладам Центра «Сова», см. на сайте Центра: <http://sova-center.ru>.

² *Зверева Г.* Русские смыслы для новой России? Опыт продвижения «Русской доктрины» // *Верхи и низы русского национализма*. М.: Центр «Сова», 2007. С. 121–144.

³ *Верховский А.* Романтика и прагматика либерального консерватизма // *Путями несвободы*. М.: Центр «Сова», 2005. С. 97–126.

борной пропаганде; симметричный и не менее обоснованный иск «Родины» против ЛДПР было отклонено). За этим последовала кампания административного давления в ходе региональных выборов, а сама «Родина» была расколота. В конце концов, партия фактически самоликвидировалась, менее амбициозные ее члены, включая думских депутатов, влились в создаваемую сверху партию «Справедливая Россия» (этот партийный проект, как ранее «Родина», создавался наспех, поэтому в партию легко влились весьма многообразные в идеологическом смысле активисты, в том числе и националисты). Сам лидер партии Дмитрий Рогозин перешел на государственную службу. Но более последовательные деятели «Родины» во главе с Андреем Савельевым пошли на тесный союз с ДПНИ.

ДПНИ в это время находилось на пике своей славы. Движению удалось записать в свой актив этнически окрашенные беспорядки в карельском городке Кондопога в начале сентября 2006 г. Эти беспорядки интерпретировались как русский бунт против «мигрантизации», причем бунт успешный: граждане кавказского происхождения по большей части покинули город. Кондопога стала знаменем русского национализма и жупелом для властей, всерьез опасавшихся тиражирования этого опыта. Под влиянием кондопожских событий власти пошли на популистские меры, ограничивающие присутствие иммигрантов. Той же осенью по стране прокатилась кампания против этнических грузин. В совокупности эти события (и ряд менее значимых) создавали впечатление, что не только общество, но уже и власть определенно поворачивают к русскому этнонационализму¹. Националистам власти препятствовали как-то неубедительно: массовые задержания так и не помешали ДПНИ и его союзникам провести 4 ноября 2006 г. новый «русский марш», хотя мэрия отказывалась его санкционировать.

Увлеченные успехами, ДПНИ и выходцы из «Родины» создали весной 2007 г. партию «Великая Россия» во главе с А. Савельевым. Партия явно рассчитывала принять участие в парламентских выборах в декабре 2007 г. В то время ходили упорные слухи, что эти надежды были поддержаны обещаниями достаточно высокопоставленных персон. Проверить подобные слухи нет возможности, но выглядят они весьма правдоподобно: без согласования наверху

¹ Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему. 2006 год // Верх и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С. 34–71.

никакой надежды на регистрацию партии у националистов не было, и они, скорее всего, даже и не пытались бы: все-таки в оргкомитете состояли достаточно опытные политики.

Но в Кремле решили не идти навстречу националистам. Партия зарегистрирована не была, и кандидаты «Великой России» пошли на выборах по списку малозаметной партии «Патриоты России» Геннадия Семигина. «Русский марш» в ноябре 2007 г. своим явно неонацистским обликом, видимо, лишь укрепил неприятие властей: и до этого в колоннах ДПНИ присутствовало немало наци-скинхедов и иных участников ультраправых групп, не чуждающихся расистского насилия, но на этот раз колонна ДПНИ, даже с учетом подобного контингента, уступала в численности колоннам двух организаций, прямо именовавших себя неонацистскими — Славянского союза (СС) и Национал-социалистического общества (НСО).

Давление на ДПНИ начало нарастать. В 2007 г., несмотря на серьезные усилия, ДПНИ не удалось повторить «кондопожский сценарий» конвертации мелкого локального конфликта в силовое межэтническое противостояние с общероссийским резонансом (не удавалось это ни разу и впоследствии), и причиной этих неудач была в первую очередь более продуманная политика властей².

Анализировать итоги парламентских выборов 2007 г. с точки зрения результативности националистов затруднительно: слишком далеки были эти выборы от реальной представительности. «Патриоты России» получили 0,89% голосов, а список возглавляемой С. Бабуриным партии «Народный союз» просто не был зарегистрирован. Но и крупная либеральная партия «Союз правых сил» получила официально 0,96%, так что вряд ли по этим цифрам можно судить об уровне общественной поддержки. Общий уровень националистической риторики на этих выборах был куда ниже, чем за четыре года до этого: все системные партии успели осознать, что Кремль не одобряет педалирования такой риторики. Поэтому трудно сказать, о чем свидетельствуют 11,57% голосов у КПРФ или 8,14% у ЛДПР, не говоря о более мелких партиях с какими-то элементами национализма.

Проект «Великая Россия» фактически не пережил выборы, хотя формально существует до сих пор. Усугубились и кризисные явления внутри ДПНИ. Наиболее наблюдаемыми —

² Обзор событий 2007 г. см.: Кожевникова Г. Радикальный национализм и противодействие ему в 2007 г. // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 г. М: Центр «Сова», 2008. С. 5–49.

и взаимосвязанными — причинами этого стали возрастающее (и доныне) давление со стороны властей и неудачные попытки реорганизовать ДПНИ из сетевой структуры в иерархическую, почти партийного типа. Собственно говоря, проблема ДПНИ была в том, что изначально движение строилось как открытое и для радикалов, и для граждан, лояльных властям и при этом разделяющих основной — антимигрантский — пафос движения. Неизбежная конфронтация с властями (дошедшая до прямых столкновений с полицией на «русском марше» в 2008 г.) отсекала от ДПНИ лояльных властям граждан. И соответственно, у менее лояльных активистов уже не оставалось мотива сдерживать свои расистские и антиправительственные порывы. ДПНИ было попыткой неформальной широкой коалиции, нацеленной на результат — изгнание или ограничение «иностранцев». Когда результат перестал казаться реалистичным в короткой перспективе, коалиция распалась. Примечательно, что группы, возникавшие на националистическом поле в период распада ДПНИ, были более выражено-этнонационалистическими, чем возникавшие в предыдущие несколько лет¹.

Можно понимать это как прогрессирующее «этническое самосознание русского народа», но в отсутствие подтверждающих такую гипотезу социологических данных (например, упомянутые выше замеры этноксенофобии, проводимые Левада-Центром, не показывают в 2000-е гг. никакой устойчивой динамики) резоннее предположить, что мы видим собственную динамику движения русских националистов в ситуации, когда выход в «большую политику» не удался.

Чтобы яснее понять, что именно произошло после декабря 2007 г., следует вернуться немного назад — к созданию и расцвету партии «Родина». Мы анализировали выше ситуацию постепенного заката к исходу 90-х всех идейных течений русского национализма, кроме неонацизма. Создатели «Родины», надо полагать, тоже видели этот упадок. Неонацизм же оставался неприемлемым компонентом для идеологии официально действующей партии. Поэтому — а не только по причине поспешно-

¹ Процессы, происходившие в движении русских националистов в 2008–2009 гг., кратко освещались в работах: *Кожевникова Г.* Радикальный национализм и противодействие ему в 2008 г. // *Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2008 г.* М.: Центр «Сова», 2009. С. 17–25; *Ее же.* Радикальный национализм и противодействие ему в 2009 г. // *Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2009 г.* М.: Центр «Сова», 2010. С. 15–22; *Кожевникова Г., Шеховцов А.* и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009. С. 20–30, 62–70, 114–117, 186–189.

го набора всех желающих в новый избирательный блок — идеология блока, а затем и партии «Родина» оказалась очень эклектичной. Можно даже сказать, что эта идеология старательно вобрала в себя почти все имевшиеся к тому моменту идеологические компоненты, отчасти вместе с их носителями².

Лидер партии Дмитрий Rogozin символизировал давнюю, популярную еще с 90-х гг., идею защиты «соотечественников». Тема «соотечественников» — образец защитного культурного этнонационализма бывшей метрополии — стала столь популярной националистической темой, что даже была взята на вооружение государством³.

«Родина» не была религиозно ориентированной партией, но подчеркивала приоритет православия (и отвечали за это лоббист РПЦ Александр Чуев и известные православные националисты Александр Крутов и Николай Леонов). Силами депутата Натальи Нарочницкой и ряда других в «Родине» культивировался русский «цивилизационный национализм», все более значимый в 2000-е гг. для русского национализма в целом (см. ниже). С другой стороны, находилось место и чистому расовому подходу А. Савельева. Список можно продолжить — в «Родине» был представлен, по сути, весь спектр версий русского национализма. И — что очень важно — подчеркивалась второстепенность различий между ними по сравнению с единой — пусть и невнятно очерченной — националистической задачей. Это делало «Родину», как и ДПНИ (см. выше), очень привлекательной.

В частности, в «Родине» были представлены также классические взгляды «красных патриотов», причем в их не самой ретроградной форме, в отличие от КПРФ (впрочем, символическое преемство с СССР тоже было представлено — участником путча августа 1991 г. маршалом Варенниковым). За сочетание патриотизма и социально ориентированной патерналистской экономической политики в блоке отвечал бывший член кабинета Гайдара Сергей Глазьев. Впрочем, и в партии «Родина», в которую

² См.: *Ларюэль М.* Александр Дугин, идеологический посредник // *Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям.* М.: Центр «Сова», 2005. С. 226–253; *Laruelle M.* In the Name of the Nation. New York: Palgrave Macmillan, 2009. С. 107–118.

³ *Ларюэль М.* «Русская диаспора» и «российские соотечественники» // *Демократия вертикали.* М.: Центр «Сова», 2006. С. 185–212; *Зевелев И.* Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве: наследие империи и государственный прагматизм // *Наследие империй и будущее России* / Под. ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2008. С. 241–293.

Глазьев не пошел, эта тема оставлена не была: партия, например, пыталась провести совершенно популистский по набору социальных тем референдум.

Либеральные оппоненты «Родины» усматривали в сочетании национализма и социализма национал-социализм, но идеология «Родины» никак не походила на неонацизм, речь шла о национал-популизме. Он был естественным продолжением умеренной «красной» версии национализма, которую с 90-х гг. продвигало движение, возглавляемое С. Бабуриным (и бабуринцы были широко представлены в блоке «Родина», хотя и разругались с Rogozinym в 2005 г.).

Шире говоря, национал-популизм был также преемником широкой «красно-патриотической» коалиции 90-х, традиции которой в те же годы пыталась возродить КПРФ. Как уже говорилось, с 2002 г. национал-популизм актуализироваться и в пропаганде ЛДПР, что нашло лапидарное выражение в их лозунге кампании 2003 г. «Мы за бедных, мы за русских!». Таким образом, «Родина» олицетворяла господствующую тенденцию. Она олицетворяла ее лучше всех, так как Жириновскому после всей его суперконформистской политической биографии здравомыслящие люди больше не верили, а партия Зюганова почти совсем уже потеряла былую энергию.

На самом деле ДПНИ также работало в русле национал-популизма: неприязнь к «мигрантам» мотивировалась не только этнической ксенофобией, это была и новая форма обычной социальной неприязни к «неместным». Это массовое настроение фокусировало социальное недовольство на «мигрантах» — вместо властей, как то было принято в 90-е гг., или класса капиталистов, как предполагают левые доктрины, популярность которых была и остается очень низкой.

Увлечение национал-популизмом, как и любым способом политической мобилизации, построенном на максимально широком определении платформы, было возможно только в ситуации ожидания успеха. Подобную же широкую коалицию и с теми же надеждами строили в это время оппоненты власти в другой части политического спектра — речь о коалиции «Другая Россия». Примечательно, что в «Другой России» никто не отказывался от объединения с национал-популистами, если те, в свою очередь, откажутся от крайностей. Можно указать на целый ряд попыток сближения ультраправых, левых, либеральных и иных групп, однако сближение все же не зашло далеко. Эти попытки сами по себе представляют интереснейший

предмет для исследования, которое пока никто не проделал. Все они, по крайней мере, упомянуты в докладах Г. Кожевниковой.

Надежда на успех, возникшая уже в ранние путинские годы в связи с тем, что Путин был явно большим националистом, чем Ельцин, и в связи с подъемом этноксенофобии в стране, окрепла в 2003 г. и продержалась до конца 2007 г. Потом надежда стала стремительно слабеть: все яснее было, что широкая мобилизация в поддержку движения русских националистов все равно не получилась, а власть, сделавшая ряд национал-популистских жестов на исходе 2006 г., не готова продолжать в том же духе и тем более не готова подпускать движение русских националистов к «большой политике».

Вместе с надеждой на успех стал выдыхаться и национал-популизм как широкое политическое течение. «Родина» исчезла, в «Справедливой России» национал-популистские нотки оказались очень слабы. Практически все соответствующие эпизоды перечислены в тех же докладах Г. Кожевниковой. И можно видеть, что это — скорее изолированные случаи, вызванные неразборчивым первоначальным призывом в партию. Постепенно они сходят на уровень, не превышающий фоновый, т.е. уровень правящей «Единой России». КПРФ и ЛДПР сбавили тон, что было очень заметно в их пропаганде уже в ходе парламентской и президентской кампаний 2007–2008 гг.¹ Что касается результатов президентских выборов марта 2008 г., то их сложно интерпретировать в смысле успехов национализма, во-первых, из-за указанной смены риторики ЛДПР и КПРФ, а во-вторых, из-за весьма сомнительной достоверности результатов (но все же отметим, что Жириновский получил 9,35% голосов, а Зюганов — 17,72%).

Современный русский цивилизационный национализм. Классификации русского национализма в 90-е гг. неизменно включали противопоставление этнического национализма и национализма имперского, т.е. ориентированного преимущественно на достижение приоритета этнонации (понимаемой скорее в биологических или скорее в культурных категориях) или на возрождение российской империи в том или ином виде². Имперские настроения чаще

¹ Кожевникова Г. Язык вражды и выборы: федеральный и региональный уровни. По материалам мониторинга осени-зимы 2007–2008 гг. М.: Центр «Сова», 2008. С. 56–70, 92–95, 113–117.

² Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 29, 93, 94.

всего, как уже говорилось, носили ностальгический характер: империя мыслилась как наследник СССР, империи Романовых или Святой Руси. Но возможны были и футуристические проекты новой северной славянской империи, делящей с другими империями власть над глобальным Югом (вариант Жириновского), или евразийской империи, противостоящей империи атлантической (вариант Дугина)¹. Менее амбициозные идеологи и тогда готовы были легко смешивать элементы самых разных представлений о чаемой империи. Точнее сказать, элементы смешения разных имперских идеалов можно было найти практически у любого русского националиста, что и неудивительно в метрополии только что исчезнувшей империи. Собственно, и до сих пор понятие «империя» активно и довольно разнообразно используется авторами из разных идейных лагерей².

Это смешение по критерию «империя или нация» ставило под сомнение попытки классифицировать националистов таким образом. Позже с разных сторон прозвучала критика более принципиальная: для националистов, действующих в метрополии (в том числе и бывшей), жесткое различие этнического и имперского национализмов не является достаточно продуктивным³.

И все же само широкое распространение в современном националистическом жаргоне выражения «имперцы» явно указывает, что и сами русские националисты не отказались от такого классификационного признака. Видимо, этот признак, хотя и слишком приблизительно отражающий действительные разделения в движении, все-таки несет в себе что-то принципиально важное. И это принципиально важно заключается в том, какая ценность ставится во главу угла той или иной группой, тем или иным автором — интересы нации (как бы они ни понимались и что бы ни подразумевалось под нацией) или некая отвлеченная идея (собственно

идеологическая, религиозно-политическая или просто идея величия). Конечно, это различие тоже не строгое, но современная полемика в националистическом лагере выявила его уже достаточно явно.

Если националист ставит превыше всего интересы нации, он, конечно, может придавать большое значение ее особенностям, культурным, политическим или иным. Но в первую очередь для него «родная» нация — лучшая среди прочих. Эти прочие нации можно воспринимать как что-то худшее и мелкое, или, напротив, как что-то огромное и угрожающее, или как-то еще, но в любом случае все нации в таком дискурсе оказываются равными в том же смысле, в котором равны конкуренты на рынке. Культурная уникальность нации, заложенная в концепцию национализма еще Гердером, сохраняет свое значение, но, рассуждая об отношениях между нациями, националист вынужден исходить из более или менее рационалистичных представлений об общих правилах этой конкуренции.

Да, русский национализм, выросший, в конечном счете, из славянофильства, все еще живет гердеровским убеждением об «особом пути» своего народа. Список аргументов в пользу «особого пути» России пополнялся более полутора веков, и представление, что именно Россию «аршином общим не измерить», стало практически общим местом, и не только среди националистов. Но дискурс конкуренции наций подрывает эту суперуникальность. И не зря многие этнонационалисты уже готовы видеть союзников в своих «коллегах» в других странах, в первую очередь в Западной Европе.

Совсем иное видение возникает (а скорее сохраняется), если воспринимать нацию не как самоценность, а как носителя великой идеи. Великая идея, особенно если эта идея — уникальная, имеющая вселенское значение (как коммунизм или последняя битва с антихристом, на которой сосредоточены радикальные православные фундаменталисты⁴), делает уникальной и нацию, к ней неприменимы уже общие мерки, и с другими нациями отношения мыслятся не конкурентные, а эсхатологические.

В 90-е гг., безусловно, доминировало именно такое представление, но не единое, а концептуализированное в нескольких конкурирующих вариантах, описанных выше. И все они подвер-

¹ Футуристические имперские проекты носили отчетливый отпечаток фашистской идеологии в смысле Роджера Гриффина. Именно так интерпретирует взгляды Жириновского (по крайней мере, раннего) и Дугина Андреас Умланд: Умланд А. Три разновидности постсоветского фашизма. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультранационализма // Современные интерпретации русского национализма / Под. ред. Марлен Ларюэль. Stuttgart: Ibidem, 2007. С. 129–170.

² Малинова О. Тема империи в современных российских политических дискурсах // Наследие империй и будущее России / Под. ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2008. С. 59–102.

³ Ларюэль М. Размышления на тему «русский национализм» как предмет исследования // Современные интерпретации русского национализма / Под. ред. Марлен Ларюэль. Stuttgart: Ibidem, 2007. С. 9.

⁴ Подробнее см.: Verkhovsky A. Holy Russia versus the Fallen World: Conservative Orthodox Mythologies in Contemporary Russia // Nationalist Myths and Modern Media. Contested Identities in the Age of Globalization. London and New York: Tauris, 2005. С. 229–242.

глись к исходу десятилетия сильнейшей эрозии. Но представление об «особом пути» России пережило этот кризис и возродилось в новом десятилетии в новой форме, которую чаще всего называют теперь цивилизационным национализмом (термин стал широко использоваться с подачи Эмиля Паина¹). Суть его заключается в том, что Россия противопоставляется Западу и иным мировым державам и регионам не как нация, а как цивилизация.

То, что противопоставление в первую очередь направлено на Запад, — это неизбежная часть практически любого российского дискурса о России: «значимым Другим» для самоопределения издавна являлся и сейчас является Запад². Конечно, при этом и ранее использовалось понятие «цивилизационных различий», но оно использовалось скорее в смысле различий культурных. Даже если различие строилось не узко — между Россией и, допустим, Германией и, соответственно, русскими и немцами, а между Россией и Европой, все равно Россия при этом понималась как страна/нация, имеющая отличия от группы предположительно сходных друг с другом европейских стран. Цивилизацией при этом могли назвать Европу, но не Россию.

Поворот к тому, чтобы считать Россию особой цивилизацией или ядром особой цивилизации, а не просто нацией, пусть большой или великой, происходил исподволь, и история этого поворота еще не написана. Следует только отметить, что интеллектуальные поиски в этом направлении велись вовсе не только националистами. Речь ведь шла о новой, постимперской концептуализации России, и об этом задумывались самые разные люди, в том числе и до того, как СССР реально развалился. Ведь очень многие испытывали потребность в такой концептуализации, которая не понижала бы статус России по сравнению со статусом метрополии влиятельной империи.

Цивилизационный национализм дал о себе знать уже в 90-е гг. Тогда он развивался в двух почти несвязанных плоскостях. В одной действовали политические активисты, использовавшие термин «цивилизация» для подкрепления своих идеологических конструкций (православно-монархических, сталинистско-

националистических и прочих, описанных в целом выше). В другой действовали академические ученые (чаще всего — второго ряда), которые находились в поиске некой универсальной объяснительной модели, чтобы заменить ставший непригодным к использованию советский марксизм. Многие из таких ученых увлеклись «этносом» в смысле писаний Льва Гумилева: ставшая суперпопулярной идеологическая конструкция Гумилева внесла очень весомый вклад в становление биологизаторского этнонационализма. Другие ученые увлеклись «цивилизационным подходом», который был, как правило, культуралистской и более «солидной» (что немаловажно для академической среды) версией этнонационализма³.

Для интеллектуальной части русских националистов писания большинства академических конструкторов «цивилизационного подхода» были не авторитетны. Хотя были и исключения, как Евгений Троицкий, который пока привлекает недостаточно внимания исследователей (за исключением разве что В. Шнирельмана⁴).

Но ключевой фигурой, проторившей поворот к цивилизационному национализму, стал, видимо, Александр Панарин, серьезный ученый-политолог, закрепившийся в роли идеолога в начале 2000-х⁵.

Панарин начинал в 90-е гг. в роли умеренного — по сравнению с Дугиным — неоевразийца, но постепенно его взгляды кристаллизовались в собственную концепцию специфической российской цивилизации. Панарин развивает гердеровскую модель независимых друг от друга культурных траекторий разных наций до большего масштаба, т.е. до многонациональных цивилизаций, и до большей степени независимости, точнее, до полного взаимонепонимания⁶. Соответственно, перед человечеством стоит сложная задача сосуществования разных

¹ Паин Э. Россия между империей и нацией // Pro et Contra. 2007. № 3.

² Конечно, не буквально всегда так было. Но так происходит уже слишком давно. И главное, именно в этом ключе переосмыслены события давней и недавней истории. Так что для современного россиянина, каких бы взглядов он ни придерживался, соотнесение с Западом выглядит как нечто самоочевидное.

³ Подробный обзор — с обширной библиографией — этого процесса дан в статье: Шнирельман В. Время цивилизации: цивилизационный подход как национальная идея // Российская модернизация: размышления о самобытности / Под. ред. Э.А. Паина и О.Д. Волковоной. М.: Три квадрата, 2008. С. 198–232.

⁴ См.: Shnirelman V. New racism, «clash of civilizations», and Russia // Russian nationalism and the national reassertion of Russia, edited by M. Laruelle. London, New York: Routledge, 2009. С. 125–144.

⁵ О нем см.: Ларюэль М. Александр Панарин и «цивилизационный национализм» в России // Русский национализм: идеология и настроение. М.: Центр «Сова», 2006. С. 165–182; Леунова М. Восточная инкарнация европейских «новых правых»: Александр Панарин и неоевразийский дискурс в современной России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 2.

⁶ Панарин А. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002. С. 45–46.

цивилизаций, не предполагающего доминирования одной из них, подразумевается — западной. Принципиальное, превышающее культурные, различие цивилизаций объясняется Панариным в религиозном ключе. Цивилизация, включающая Россию, — православная. Но религия понимается здесь не просто как культуuroобразующее свойство, как у Сэмюэла Хантингтона (чья концепция «конфликта цивилизаций» произвела сильнейшее впечатление в российском обществе, хотя и известна зачастую на уровне аннотации¹), а как сущностный критерий — в соответствии с традицией русской религиозной философии. Интересно, что, по Панарину, реализовывать эту православную сущность в современном и завтрашнем мире призвана не столько этническая общность русских, сколько государство, а конкретно — империя, если не буквально сакральная, то хотя бы идеократическая. Империя эта — евразийство здесь проявляется всерьез — может повести за православием «восточные» религии, от ислама до даосизма. Через эту империю русский народ сможет стать спасением человечества.

Панарин сумел совместить представление о глобальном плюрализме цивилизаций с уникальной ролью России². Созданная Панариным концепция была достаточно связной и очень авторитетной в силу личности автора. Хотя в своих идеологических писаниях он явно отошел от научного подхода³, накопленная научная и общественная репутация автора оказалась достаточно серьезной, по крайней мере в сравнении с другими теоретиками цивилизационного национализма.

Академические усилия по развитию цивилизационного национализма с тех пор не прекращаются. Э. Паин обращает внимание, например, на работы Светланы Кирдиной⁴, а В. Шнирельман — академика А.Н. Сахарова и других⁵.

¹ Идея Хантингтона стала относительно широко известна после публикации: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.

² Панарин А. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. С. 353, 404.

³ Митрофанова А. Национализм и паранаука // Русский национализм: социальный и культурный контекст. М.: НЛО, 2008. С. 87–103.

⁴ Верховский А., Паин Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М.: Три квадрата, 2010. С. 193–194.

⁵ Шнирельман В. Время цивилизации: цивилизационный подход как национальная идея // Российская модернизация: размышления о самобытности / Под. ред. Э.А. Паина и О.Д. Волгогоновой. М.: Три квадрата, 2008. С. 198–232.

Практически синхронно с Панариным свою версию цивилизационного национализма выдвинуло руководство Русской православной церкви. Версия эта, развивающаяся в длинном ряде текстов начиная с 2000 г. (отправной точкой стала большая газетная публикация⁶), в основе своей очень похожа на панаринскую. Православная цивилизация определяется в конфессиональном смысле и противопоставляется другим — исламской, китайской, секулярной западной. Ядром ее считается Россия. И «русский» в этой концепции определяется отнюдь не по крови, а исключительно по культурным признакам, из которых основным является религия, необязательно в виде активного вероисповедания, но хотя бы в виде нескольких элементов, реально или предполагаемо усвоенных, или просто по факту крещения.

В соответствии с православными канонами все крещеные в Православной церкви являются православными христианами. Множество таких в России почти целиком покрывает множество тех, кто определяет себя как русских (проценты крещеных и русских по опросам практически совпадают). Но это множество также включает немалое число других граждан — евреев, татар, украинцев и т.д. по самоопределению. Церковная версия национализма, вероятно — наиболее инклюзивная из реально распространенных, так как стать православным просто, а быть им совершенно необременительно.

Представителям ислама, буддизма и иудаизма (в их наиболее распространенных формах и исключая оппозиционные религиозные меньшинства) предлагается роль младших партнеров, и они (за вычетом части исламского истеблишмента) на это согласны, что теоретически включает в орбиту российской или православной «цивилизации» и соответствующие этнические группы. Да, есть некоторые проблемные группы (пятидесятники, например), но это не такие острые проблемы.

Православная цивилизация распространяется далеко за пределы России. Православные составляют явное большинство населения на Украине (последующие расколы не отлучают автоматически крещеных в РПЦ людей от Церкви) и в Белоруссии, значительную часть населения в Казахстане, Эстонии, Латвии и далее по убыванию. В целом ряде непостсоветских стран православные составляют большинство

⁶ Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Норма веры как норма жизни // Независимая газета. 2000. 16–17 февраля.

или значительное меньшинство. Так образуется несколько концентрических кругов православной цивилизации. На географический аспект, очень важный для конструирования националистической идеологии, обратила внимание Кати Русселе¹.

РПЦ, несомненно, является авторитетным источником идеологии. Это не значит, что кто-то за пределами круга «воцерковленных» православных готов идти за любыми призывами церковного руководства, это далеко не так². Но символический капитал Церкви еще далеко не растрочен, особенно если речь идет об инвестировании в русское националистическое движение. И предлагаемая концепция в целом лежит в русле общественных настроений, так что она усваивается в самых разных кругах³. Основным автором концепции выступал митрополит Кирилл (Гундяев), так что значимость этого идеологического проекта для Церкви стала только выше, когда он в феврале 2009 г. был избран патриархом Московским и Всея Руси.

Мы остановились на взглядах Панарина и патриарха Кирилла не потому, что они определяют современный цивилизационный национализм, а потому, что они на него повлияли, во многом легитимировали его и, конечно, потому, что являются его достаточно типичными образцами. В том же духе, но с добавлением каких-то своих обертонов выступают и другие адепты цивилизационного национализма, будь то политики или публицисты, ностальгируют ли они по СССР, монархии или и по тому, и по другому сразу. Хорошим примером может служить Сергей Бабурин, все более слабеющий как политик, но продолжающий карьеру патриотического публициста, пропагандирующего «русскую православную империю»⁴.

Стоит отметить, что иногда Россия не мыслится ядром православной (или иной) цивилизации, а сама по себе признается отдельной цивилизацией.

Наиболее ярко этот подход выразил представитель молодого поколения националистических интеллектуалов Михаил Ремизов⁵.

Остается только перечислить некоторые практически неизменно отмечаемые адептами цивилизационного национализма черты «своей» цивилизации:

- Россия является ее политическим и географическим ядром (или отождествляется с нею);

- этнические русские являются ее основным носителем (вопрос о предоставлении им в связи с этим каких-то привилегий чаще решается положительно, но не всегда);

- общество должно быть в какой-то форме идеократическим, скорее всего, с приоритетом православия;

- политическая демократия рассматривается как несовершенная и неорганичная для этой цивилизации система (ее можно потерпеть, но скорее следует ограничить или демонтировать);

- Россия должна проводить имперскую политику (либо путем воссоздания полноценной империи, либо путем создания сферы влияния, желательно, построенной на цивилизационном родстве).

Все это дополняется отвержением чужого, прежде всего западного, социального опыта. Но причиной отвержения может быть как постулированная враждебность «других», в первую очередь Запада, так и постулированный постмодернистский плюрализм современного мира (и в этом парадоксально сходятся столь разные люди, как Панарин, Дугин и патриарх Кирилл).

Конечно, говоря о сегодняшнем цивилизационном национализме, не следует представлять себе ни единых взглядов, ни какой-то организационной общности. Речь идет о доминирующем течении мысли, которое вобрало в себя все, что было еще жизнеспособного в основных идеях течений национализма 90-х.

Подъем этнонационализма. Элементы отказа от подчинения нации некой высшей идее встречались в русском национализме уже с начала 90-х гг. и были, как правило, очень непоследовательны. Можно вспомнить Николая Лысенко, уже тогда выступавшего против чисто

¹ Rousselet K. L'Eglise orthodoxe russe et le territoire // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2004. Vol. 35. № 4. Décembre.

² Дубин Б. «Легкое бремя»: массовое православие в России в 1990–2000-х гг. // Религиозные практики в современной России: Сборник статей / Под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна. М.: Новое издательство, 2006. С. 69–88.

³ Подробнее о том, как происходит идейное взаимодействие церковного руководства и других акторов, включая русских националистов, см.: Верховский А. Политизированная православная общественность и ее место в русском национализме // Русский национализм в политическом пространстве. М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, 2007. С. 180–199; Он же. Религиозные организации и возможности идеологического проектирования в путинской России // Двадцать лет религиозной свободы / Под. ред. А. Малащенко и С. Филатова. М.: Московский центр Карнеги, 2009. С. 160–189.

⁴ Бабурин С. Путь империи: Россия как государство и цивилизация // Трибуна русской мысли. <2009>. № 11.

⁵ Ремизов М. Проект «Государство-цивилизация»: Концепция государства-цивилизации и учредительные принципы нового строя // АПН. 2005. 9 февраля (<http://www.apn.ru/publications/article1280.htm> – проверено 19.08.2010).

идейного антисемитизма и за прагматически обоснованную расистскую вражду к кавказцам¹. Или Виктора Корчагина, призывавшего создать Русскую республику². На более высокий уровень движение чистых этнонационалистов вышло в середине 90-х с появлением альманаха «Золотой лев» (он выходит до сих пор). В начале 2000-х была предпринята попытка создать на этой основе партию — Национально-державную партию России, но попытка неудачная³.

Зато в ДПНИ идея чистого этнонационализма воплотилась вполне успешно (см. выше). К тому же эволюционировали многие неонаци: понизив значимость идейных нюансов неонацистских доктрин, они сосредоточились на главной задаче — приоритете этнических русских, что также предполагало отказ от любых сверхзадач в духе цивилизационного национализма. (При этом отношения между «просто националистами» из ДПНИ и неонацистами оставались непростыми: неонацистский Славянский союз — СС, с 2010 г. действует под названием «Славянская сила» — был союзником ДПНИ, а Национал-социалистическое общество, НСО, — противником. И после краха НСО в 2008 г. большинство подпольных групп неонаци относятся к любым «легальным» националистам, включая «легальных наци» из СС, с большой подозрительностью.)

Конечно, круг ДПНИ и тем более нацискинхеды не породили сравнимой с цивилизационным национализмом литературы, так как были скорее практиками, чем теоретиками. И конечно, хотя эти этнонационалисты и этническое-то основание нации понимают преимущественно в биологических терминах, их лидеры, если все же пытаются теоретизировать, не могут избежать влияния оппонентов⁴. Но зато как движение чистый этнонационализм был на порядок мощнее всех своих оппонентов в лагере русских националистов, вместе взятых.

Если предварительно резюмировать многостороннюю полемику в Интернете, которую ведут различные сторонники чистого этнонационализма, то видно, насколько мало они уделяют

внимания имперской тематике (даже на примере войны в Грузии в 2008 г.). Они обычно склонны не к идее завоевания каких-то территорий, а к идее отбрасывания этнически («расово» в их понимании) чуждых территорий — а именно Северного Кавказа.

Сегодняшние русские этнонационалисты позиционируют себя как обороняющаяся сторона — обороняющаяся от «нашествия» иммигрантов и вообще неславян (редко, но упоминается также и исламская экспансия). Показательный пример — доклады «Русофобия в России», которые теперь ежегодно пишет А. Савельев⁵. Запад понимается скорее не как главный враг, а как «белый» конкурент, правда временно испорченный евреями и либералами. Главный враг — «небелые», «южане» и т.д. Представления о нарастающей «руссофобии» имеют все более широкую поддержку: мнение, что русские в России подвергаются дискриминации и терпят обиды, в 2006 г. разделяли целиком или частично 33% граждан, в 2007 — 30%, а в 2009 г. — уже 43%⁶.

Тяжелый кризис ДПНИ не привел к ослаблению чистого этнонационализма как политического течения. Хотя в 2008–2010 гг., после провала проекта «Великой России», наблюдался некоторый общий спад активности русских националистов, спад этот не так значителен. Массы активистов, разочаровавшихся в ДПНИ (или изначально не принимавших его), сплотились в 2008–2009 гг. вокруг группировки «Русский образ», исповедующей практически те же взгляды. А в сентябре 2010 г. «Русский образ» и ДПНИ вступили в коалицию и, выйдя вместе на «русский марш» 4 ноября 2010 г., собрали рекордное количество участников (только в Москве — 5,5 тысяч человек и примерно 10 тысяч в других городах).

Беспорядки на Манежной площади 11 декабря 2010 г., организованные автономными неонацистскими группами с привлечением значительного количества молодых футбольных хулиганов, не только резко актуализировали так называемый национальный вопрос, но и резко повысили значение именно этно-

¹ Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 45–46.

² Там же, с. 59–60.

³ Кожевникова Г., Шеховцов А. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009. С. 49–61.

⁴ Белов А. Имперский марш русского будущего // АПН. 2006. 13 ноября. (<http://www.apn.ru/publications/article10883.htm> — проверено 19.08.2010).

⁵ Русофобия в России. 2006–2007 г. (аналитический доклад) // Сайт партии «Великая Россия» (<http://www.velikoross.ru/russenhass1> — проверено 19.08.2010); Савельев А. Русофобия в России, 2008 год. Аналитический доклад Русского информационного центра // Сайт А. Савельева, 2009, 3 февраля (<http://savelev.ru/article/show?id=518&t=1> — проверено 19.08.2010); Он же. Русофобия в России, 2009 // Сайт А. Савельева (<http://www.savelev.ru/books/content/?b=22> — проверено 19.08.2010).

⁶ Общественное мнение — 2009. М.: Левада-Центр, 2009. С. 143.

националистического подхода к нему. Не менее 3 тысяч молодых людей на площади¹ скандировали почти исключительно агрессивные расистские лозунги, нападали на людей, показавшихся им «нерусскими», на площади и после того (Центру «Сова» известно о 40 пострадавших в этот день) и не затруднились напасть на милицию, попытавшуюся защитить избиваемых. Это была именно расистская манифестация, насколько бы ни были справедливы рассуждения о каких-то дополнительных мотивах собравшихся, в первую очередь – недовольстве коррупцией в милиции. Направленность и масштаб события не могли не повлиять на всю последовавшую, весьма бурную, общественную дискуссию.

Известные националистические организации были представлены на площади, но явно не были организаторами событий. Беспорядки, собственно, только потому и смогли состояться, что милиция не ожидала такого успеха агитации безымянных организаторов (и не ожидала, что часть фанатов не послушается призыва лидеров «фирм» не ходить на Манежную). Таким образом было явно показано то, о чем до этого говорили только эксперты: движение русских националистов – это в первую очередь не ДПНИ, «Русский образ» и тому подобные организации, а десятки и сотни малых групп преимущественно неонацистского (наци-скинхедского, White Power, возможны разные оттенки) толка. Эти группы могут сотрудничать с «публичными» националистами, но отдают себе отчет в том, что совмещение насилия и публичной деятельности слишком опасно (во многом это было осознано на примере НСО). Поэтому автономные неонаци предпочитают конспирацию и горизонтальные связи, а также ориентируются скорее на террористическую подготовку «белой революции», а не на открытую политическую борьбу.

И раньше, как уже было отмечено выше, в организациях типа ДПНИ только верхушка старалась вести себя сравнительно respectfully, актив же все равно склонялся к насильственным действиям. Когда актив стал разочаровываться в верхушке, организации стали приходить в упадок. Актив же стал вести себя все более организованно – но не в смысле построения организаций – и самостоятельно. После Манежа обстоятельства только способствовали укреплению этого автономного движения: «Русский образ» оказался в кризисе из-за публикации показаний, данных одним из лиде-

¹ Милиция сообщила, что их было 5 тысяч, но нельзя исключать, что эти данные преувеличены, так как милиция не смогла справиться с толпой.

ров группы на Никиту Тихонова, обвиняемого в убийстве Станислава Маркелова, а деятельность ДПНИ, давно находившегося под возрастающим прессом правоохранительных органов, была приостановлена.

Таким образом, мы видим упадок политических форм русского этнонационализма при одновременной активизации его уличных, боевых и даже террористических форм. Уровень же поддержки лозунгов только увеличивается, что хорошо видно по общественной полемике после событий на Манежной. По данным Левада-Центра на январь 2011 г.², уровень поддержки лозунга «Россия для русских» (при всей неоднозначности понимания этого лозунга, общий вектор настроений он отражает), стабильно превышающий 50% с 2000 г., повторил максимум 2001 г. – 58%. Более показательным, что 68% выступают за ограничение миграции (предыдущий максимум – 63% в 2009 г.); «вызывающее поведение представителей национальных меньшинств» оказалось самой популярной причиной того, что в анкете называлось «национализм в России», – так думают 37% (ранее – не более 30%). Очень высок и уровень беспокойства: «массовых кровопролитных столкновений на национальной почве» в своей местности ожидают 30% опрошенных, а два и три года назад таких было 10 и 20% соответственно. Все это означает, что создание новых этнонационалистических организаций (или рост и реформирование старых) неизбежно, пусть через некоторое время.

Теоретики у этнонационалистического движения тоже появились. Назовем лишь наиболее значительных на сегодняшний день адептов тезиса «нация превыше всего», понимаемого в расово-этнических категориях.

Соратник Рогозина и лидер «Великой России» Андрей Савельев – не только бывший депутат Думы, но и доктор политических наук. Его книги обосновывали чисто расовое основание чаемого обустройства русского общества и государства³.

Другим, гораздо более заметным в академическом сообществе, автором стал Валерий Соловей, с 90-х выступавший как эксперт по национализму и только с середины 2000-х выступивший как идеолог расового этнонацио-

² Национализм в современной России // Сайт Левада-Центра. 2011. 4 февраля (<http://www.levada.ru/press/2011020407.html>) – проверено 20.02.2011).

³ Шнирельман В. Расология в действии: мечты депутата Савельева // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С.162–187.

нализма¹. Соловей не ассоциирован ни с какой националистической организацией, достаточно критичен к ним всем, но статус доктора исторических наук и заведующего кафедрой МГИМО немедленно сделал его важной фигурой для движения этнонационалистов.

Лидер близкого к ДПНИ Русского общественного движения (РОД)² и популярный публицист Константин Крылов вообще не считает националистами различных адептов «особого пути», не разделяющих тезиса «нация превыше всего»³. Именно РОД выпустил в 2010 г. первый номер журнала «Вопросы национализма», претендующего на серьезную интеллектуальную полемику в защиту именно чистого этнонационализма.

В этом журнале выступили также Михаил Ремизов и Павел Святенков, которых несколько лет назад стоило отнести скорее к формирующемуся лагерю цивилизационных националистов. Оба автора принадлежат к кругу относительно молодых (они почти все родились в 70-е гг.) интеллектуалов-националистов, которые с начала 2000-х определяли себя в первую очередь как консерваторы, а позже почти все сотрудничали с ДПНИ. В этом кругу, не слишком дружном, конечно, наблюдается большое разнообразие мнений⁴. Есть явные сторонники цивилизационного национализма в его православном варианте (Егор Холмогоров, создатели сайта «Правая.ру»⁵), есть адепты империи, противостоящей Западу (Станислав Белковский, по крайней мере в некоторые периоды), есть чистые этнонационалисты, пытающиеся представить свой этнонационализм и как скорее расовый (Виталий Аверьянов), и как гражданский (Владимир Голышев)⁶. Динамика взглядов в этом кругу после 2007 г. подлежит дополнительному изучению, но, по общему впечатлению, идеи цивилизационного национализма понемногу сдают позиции в пользу чистого этнонационализма.

¹ Соловей В. Кровь и почва русской истории. М.: Русский мир, 2008; Соловей В., Соловей Т. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М.: Феория, 2009.

² Кожевникова Г., Шеховцов А. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009. С. 130–138.

³ Крылов К. 17 ответов. Наиболее распространенные вопросы к русским националистам и ответы на них. <2009>. Без места и года издания.

⁴ Взгляд изнутри на ситуацию в этом кругу по состоянию на конец 2005 г. представлен Михаилом Ремизовым, см.: Ремизов М. Консерватизм сегодня: аналитический обзор // АПН. 2006. 27 января (<http://www.apn.ru/publications/print1748.htm> – проверено 20.08.2010).

⁵ Кожевникова Г., Шеховцов А. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009. С. 299–313.

⁶ Там же, С. 254–262.

Вообще, не следует думать, что есть широкий круг авторов, которые категорически отвергают все или большинство перечисленных выше свойств цивилизационного национализма. Оппоненты последнего не столько отвергают эти свойства, сколько понижают их значимость, будь то особая роль православия, необходимость имперской экспансии и т.д. То же происходит с использованием терминов «цивилизация» и «цивилизационный». Все это превращается скорее в аранжировку основной темы – создания этнонационального русского государства.

Можно было наблюдать и попытки широкого технологического объединения цивилизационных и этнических русских националистов. Наиболее заметным таким опытом стало создание «Русской доктрины» (2007), которую в 2007 г. признали своей столь разные силы, как партия «Великая Россия» и созданный РПЦ Всемирный русский народный собор (ВРНС). Хотя в «Русской доктрине» цивилизационный национализм явно доминировал, и в несколько позже выпущенном резюме даже содержались прямые нападки на концепцию nation state⁷. С середины десятилетия можно было наблюдать и весьма ожесточенную полемику этнонационалистов и «имперцев»⁸.

В целом вернее будет сказать, что в русском национализме сейчас конкурируют два течения мысли, а не два лагеря активистов, так как границы этих лагерей весьма размыты, а многие активисты вообще этой идейной конкуренцией не озабочены. Суммируя различия, можно сказать, что «цивилизационные националисты» тяготеют к образу России как империи, мыслят ее скорее как идеократию и автократию, идентичность русского народа (как этноса) определяют через идеологию и государство, полагают исторический путь России полностью особенным. Этнонационалисты ориентируются на nation state европейского типа, но жестко определяемое через этничность (т.е. апеллируют скорее к пониманию nation state, характерному для межвоенного периода, чем к современному), видят Россию скорее не особенной, а «лучшей среди равных», они чаще, хотя далеко не всегда, поддерживают какие-то демократические принципы, а русская идентичность для них определяется по культуре и очень часто – по крови.

⁷ Преображение России. Сайт «Русской доктрины», 2007 (<http://www.rusdoctrina.ru/page95508.html> – проверено 21.10.2010).

⁸ Святенков П. Империя и ее имперцы // АПН. 2006. 23 июня (<http://www.apn.ru/publications/article9903.htm> – проверено 19.08.2010).

Тема демократии для этнонационалистов до середины 2000-х гг. была маргинальной, если не вовсе отвергаемой (за немногочисленными исключениями). Но потом ситуация начала меняться; становятся все более заметными группы, называющие себя национал-демократами (есть и отдельная группа с самоназванием «нацдемы», основанная весьма разными людьми, в том числе с очень радикальным прошлым), и авторы, способные интегрировать эти идеи в мейнстримную полемику, например Александр Храмов¹. Наконец, второй номер журнала «Вопросы национализма» был целиком посвящен именно теме соотношения национализма и демократии².

Именно этнонационалисты с осени 2010 г. все более определенно позиционируют себя как оппозиция авторитарному режиму, как часть общего демократического движения. Контакты представителей этнонационалистических организаций с представителями левого и либерального секторов оппозиции пока носят несистематический характер, но постепенно расширяются, наблюдаются и попытки, пока несущественные, создания коалиций. Для самих этнонационалистов основной задачей при этом является избавление от маргинального статуса, присущего националистам в целом с 90-х гг.³ Но сближающим фактором являются также репрессивные действия властей (например, административные аресты активистов либералов и националистов 31 декабря 2010 г.).

Правда, есть заметные националистические организации, живущие еще во многом идеями 90-х, например, Русский общенациональный союз или некоторые крупные осколки Русского национального единства⁴. И все же именно противостояние цивилизационного и чистого этнического принципов является, как представляется, основным содержанием активности русских националистов помимо их сложных отношений с властями.

Попытки и возможности гражданского национализма. Необходимо упомянуть еще об одной важной, хотя и не очень заметной пока тенден-

ции, родившейся в движении в середине 2000-х. А именно о попытках трансформировать этнонационализм в национализм гражданский — примерно говоря, по правому французскому образцу (подразумевается, что различие этнического и гражданского национализмов не жесткое, как и других видов национализмов). Конечно, как гражданский национализм можно рассматривать и другие общественные течения в стране, а также, в некоторых аспектах, политику властей, но в этой статье мы ограничиваемся теми группами, которые сами себя относят и которые могут быть отнесены к националистическому движению.

Речь идет не об эпизодах сближения этнонационалистов с «демократическим лагерем» и не о попытках отдельных представителей этого лагеря использовать этнонационалистические лозунги, хотя и такие эпизоды показательны. Например, один из видных либеральных демократов того времени Борис Федоров неоднократно занимал более националистическую позицию, чем его коллеги, а свою избирательную кампанию в 2003 г. вел с прямым использованием националистических лозунгов⁵ (тогда в его штабе работали некоторые будущие основатели группировки «Русский образ»). В середине 2000-х сторонники Гарри Каспарова исходили из того, что против режима надо объединять все силы, что отражалось и в практике коалиции «Другая Россия», и в блокировании с этнонационалистами в регионах. И «Другая Россия» — не единственный, хотя и самый яркий, пример такого поведения⁶. Уже в 2010 г. можно было наблюдать совместные акции демократического движения «Солидарность» и достаточно радикальных этнонационалистов⁷.

Интереснее то, как на периферии ДПНИ, которое претендовало на то, что пользуется культуралистской аргументацией для защиты общегражданских интересов, смогла возникнуть попытка отказаться от этнического подхода как доминирующего — в пользу гражданского. Возникла она, правда, не столько из

¹ Храмов А. Европейский портрет русского националиста // Русский журнал. 2010. 11 октября (<http://www.russ.ru/pole/Europejskij-portret-russkogo-nacionalista> — проверено 21.10.2010).

² О спорах вокруг этого см.: Совместимы ли русский национализм и демократия? // Вопросы национализма. 2010. № 2. С. 16–29.

³ Альперович В., Кожевникова Г. Осень 2010: ультраправые в поисках новой стратегии // Сайт Центра «Сова». 2010. 23 декабря (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2010/12/d20603/>).

⁴ Кожевникова Г., Шеховцов А. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009. С. 105–114, 118–130.

⁵ Этническая и религиозная интолерантность в российских СМИ. Результаты мониторинга 2001–2004 гг. / Под ред. А. Верховского и Г. Кожевниковой. Stuttgart: Ibidem, 2005. С. 151–152.

⁶ Кожевникова Галина, 2007, May 22. Radical Nationalism and Efforts to Counteract it in 2006 // SOVA Center web-site (<http://www.sova-center.ru/en/xenophobia/reports-analyses/2007/05/d10896/> — проверено 19.08.2010).

⁷ Она же. Проявления радикального национализма и противодействие ему в России в первой половине 2010 г. // Сайт Центра «Сова». 2010. 14 июля (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2010/07/d19289/> — проверено 19.08.2010).

маргинальных элементов националистического движения, сколько, напротив, из маргинальных элементов других движений, примкнувших к националистам. Я имею в виду небольшую организацию с громким названием Национальное русское освободительное движение (НАРОД), лидеры которой вышли из «Яблока», «Другой России», НБП и КПРФ¹. НАРОД был замечен в 2007–2009 гг., но больше — в коалиции с ДПНИ и РОД, а не как самостоятельный актер, а потом и вовсе сошел со сцены.

Гипотетически роль партии гражданско-го национализма могла бы играть Национал-большевистская партия (НБП была запрещена еще в 2007 г., но де-факто продолжает активно действовать). Развернувшись в середине 2000-х к союзу с либералами и левыми на общедемократической платформе, НБП отказалась от этнонационалистических лозунгов и потеряла при этом значительную часть актива, хотя ушли далеко не все этнонационалисты. Резкий разворот нельзя объяснить внезапной переменой мировоззрения Э. Лимонова или актива НБП в целом. Скорее можно предположить, что НБП, которая всегда была партией тотального и контркультурного молодежного протеста², должна была сменить лозунги вместе с переменной идейного облика власти. В частности, если в 90-е в России демократические механизмы работали, НБП была против демократии, а в 2000-х стала, соответственно, за таковую. Но национализм НБП никуда не делся. По-прежнему партия митингует под лозунгом «Россия все, остальное ничто», по-прежнему протесты против «китайской экспансии» занимают заметное место в деятельности нацболов. Этот национализм трудно назвать этническим: элементы этнонационализма в НБП, конечно, есть, но этнонационализм как основная идея представляется нацболом слишком архаичным и противоречит теперь их установке на радикальное оппонирование власти. Э. Лимонов говорит теперь: «Мы никогда не отказывались от ряда тех идей, которые были выработаны в 90-е гг., но мы приглушили эту тему еще в конце 90-х, потому что поняли, что власть это делает более успешно, а мы будем выглядеть на ее фоне просто бледно»³. Идеократические и имперские черты из национализма НБП тоже в значительной степени вы-

ветрились⁴. В принципе, партия могла бы выступать в качестве революционной (иначе НБП не может в принципе) республиканской силы. Но пока НБП продолжает вместо этого играть роль авангарда в борьбе против существующего режима как такового: революционность для НБП перевешивает любые возможные позитивные программы. Именно эта принципиальная негативистская установка, укорененная в контркультурной сути НБП, делает партию плохим кандидатом на роль инициатора поворота русского националистического движения к гражданскому национализму. К тому же у реально существующего националистического движения традиционно плохие отношения с нацболами (хотя контакты были и остаются). В декабре 2010 г. партия «Другая Россия», в которую превратилась НБП (не путать с одноименным движением, уже не существующим), призвала участников беспорядков на Манежной принимать участие в митингах «Стратегии-31», но безуспешно.

Другим кандидатом на роль партии гражданского национализма, в принципе, могли бы быть прокремлевские молодежные движения. Патриотизм, причем достаточно агрессивного толка, является их основой. В 2006–2009 гг. эти движения по-разному экспериментировали с этнонационализмом: использовали лозунги и тактику, сходные с ДПНИ, сотрудничали на разных уровнях и в разных формах с праворадикальными активистами. Несомненно, это было частью стратегии властей по нейтрализации националистического движения, но во второй половине 2009 г. эти эксперименты были свернуты⁵. Сочетание патриотизма и «антифашизма» (движение «Наши» даже включает слово «антифашистское» в свое название), т.е. риторическое противопоставление себя националистическому движению (а заодно — НБП и любым «прозападным» силам), можно было бы развить в программу республиканского толка, только без элемента борьбы за демократию (что легко было бы пропагандистски объяснить, так как формально демократия в России есть и так). Нельзя исключать, что прокремлевские движения еще попытаются сыграть такую роль, но в успешности ее стоит усомниться: практи-

¹ Кожевникова Г., Шеховцов А. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. М.: Центра «Сова», 2009. С. 281–287.

² Соколов М. Национал-большевистская партия: идеологическая эволюция и политический стиль // Русский национализм: идеология и настроение. М.: Центр «Сова», 2006. С. 139–164.

³ Совместимы ли русский национализм и демократия? // Вопросы национализма. 2010. № 2. С. 26.

⁴ Соколов М. Национал-большевистская партия: идеологическая эволюция и политический стиль // Русский национализм: идеология и настроение. М.: Центр «Сова», 2006. С. 161–164.

⁵ Кожевникова Г. Ультраправые тенденции в прокремлевских молодежных движениях // Русский национализм между властью и оппозицией / Под. ред. В. Прибыловского. М.: Центр «Панорама», 2010. С. 4–17.

чески никто за пределами самих этих движений (и, подозреваю, внутри них тоже) не воспринимает их как самостоятельных акторов.

Таким образом, перспективных потенциальных агентов гражданского национализма в общественном движении пока не видно, хотя с начала 2011 г. спрос на него как на альтернативу беспорядкам типа Манежной площади явно возрос.

Заключение. Развитие движения русских националистов происходит в тесном взаимодействии с государством, точнее, с исполнительной властью, причем взаимодействие варьирует в диапазоне от консультаций до репрессий. Государство в этом вопросе, как и во всех других, является ключевым игроком, и анализ его политики представляет собой не менее масштабную и не менее важную задачу, чем анализ развития движения. Даже краткое резюме такого анализа нельзя уместить в этой статье. Но некоторые моменты, имеющие принципиальное значение для будущего движения, надо хотя бы перечислить.

Власть, естественно, вынуждена постоянно заимствовать идеи и язык у общественных движений и популярных авторов. Чтобы избавиться от этой вторичности, власти развернули активное строительство интеллектуальных центров, более или менее непосредственно работающих на власть по проблематике национализма¹. Если в 90-е президент Ельцин требовал разработать «национальную идею», но идеологическая активность государства была слабой, то в 2000-е власть, действуя без единого плана, стала генерировать какие-то элементы государственной идеологии. Сверхзадачей является формирование «правильного», «здорового», «умеренного» национализма. Формирование это идет через конкуренцию разных властных и околовластных групп, а также через эксперименты и ситуативные реакции, поэтому никакого сходства с формированием государственной идеологии в памятном всем советском смысле не наблюдается (кроме некоторых черт стилистического сходства).

Обществу предъявляется смесь идей политического, этнического и цивилизационного национализмов, которая состоит из разного рода символических жестов, практик, деклараций, из некоторых изолированных попыток институционализации (в отношениях с Церковью, в сфере «патриотического воспитания»). Поэтому

¹ Laruelle M. Inside and Around the Kremlin's Black Box: The New Nationalist Think Tanks in Russia // Stockholm Paper. 2009. October.

трудно пока ожидать всестороннего и исчерпывающего ее анализа. Две наиболее убедительные аналитические работы² написаны под впечатлением интенсивных «националистических экспериментов» власти в 2006–2008 гг. — уже упоминавшихся опытов прокремлевской молодежи, создания «Русского проекта» в «Единой России», популистских мер, последовавших после Кондопоги, и т.д.

В 2009–2010 гг. эти эксперименты были или свернуты (может быть, временно) или отодвинуты на второй план. (В серьезности этой тенденции многие, впрочем, сомневаются; среди них и одна из наименее увлекающихся исследователей национализма — Ольга Малинова.³) Но это не означает, что формирование государственной версии национализма прекратилось. Просто в президентство Дмитрия Медведева оно повернуло в несколько иное русло. Например, предпринимаются попытки придать гражданско-националистический смысл новому празднику, Дню народного единства 4 ноября, с самого начала перехваченному русским националистическим движением. Неонацистские группировки подвергаются массированным преследованиям. РПЦ получает преференции в отношениях с государством, которых она тщетно добивалась все годы президентства Путина.

Пока невозможно представить, куда движется этот процесс. Можно лишь констатировать несколько его свойств:

— Власть ни в коем случае не готова к утрате политического контроля и сохраняет все возможности этот контроль удержать. Поэтому относительная открытость власти при Медведеве не планирует дойти до допуска националистического движения (как и любого другого) до честной политической конкуренции. Какие-то меры легализации оппозиции, в принципе, возможны, но запрет ДПНИ, инициированный прокуратурой в феврале 2011 г., обозначает пока противоположную тенденцию.

— Формирование «хорошего» национализма в противовес «плохому» останется одним из важных приоритетов. И у власти уже накоплен достаточный интеллектуальный и инсти-

² Зверева Г. Русский проект: конструирование позитивной национальной идентичности в современном российском государстве и обществе // Eurasian Reviews. 2008. November. Volume 1; Laruelle M. In the Name of the Nation. New York: Palgrave Macmillan, 2009. С. 134–203.

³ Малинова О. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политекс. 2010. № 1 (<http://www.politex.info/content/view/662/30/> — проверено 21.10.2010).

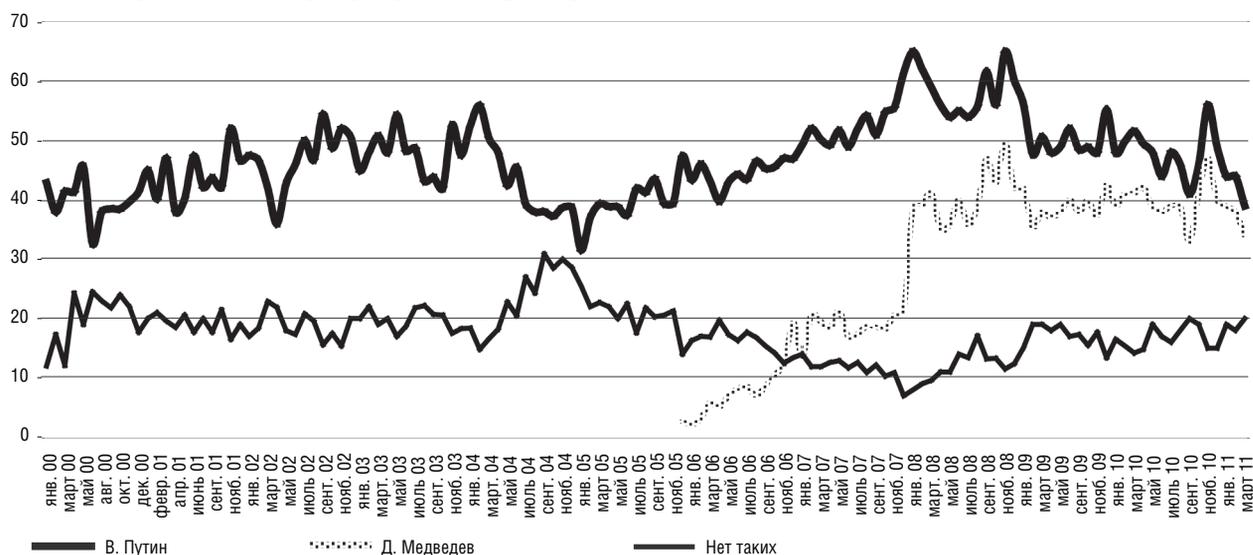
туциональный ресурс, чтобы не только реагировать на вызовы движения националистов, но и навязывать свою «повестку».

— «Хороший» национализм, признаваемый властью, не должен (да и не может) быть единым. Он усваивает идеи цивилизационного национализма как удачную аранжировку для национализма в смысле политической нации, столь необходимого власти. Идеи этнического национализма тоже для этого годятся, но в меньшей мере, и отношение к ним останется более настороженным. Подозрительность должна вызывать и концепция гражданского национализма, так как она тяготеет к оппозиционности, впрочем, пока она сама по себе слабо представлена, а значит, ее элементы также могут быть использованы.

Соответственно, можно предположить, что и в движении русских националистов, если оно рассчитывает скорее не на революцию, а на

трансформацию власти (тем или иным путем, включая инфильтрацию), должен бы доминировать цивилизационный национализм. Но пока де-факто этот последний испытывает все нарастающую конкуренцию со стороны чистого этнонационализма. И дело тут не столько в трендах публичной полемики и даже не в настроениях широких масс (граждане, судя по опросам, совмещают тягу к возрождению империи с неприязненным отношением к «инородцам», но массовое сознание может себе позволить быть противоречивым). Дело в первую очередь в том статистическом факте, что массовую основу всего русского националистического движения составляют сейчас именно чистые этнонационалисты, точнее даже — чистые расисты и даже неонацисты. И вряд ли движение русских националистов сможет в ближайшие несколько лет изжить эту проблему.

Доверие к Д. Медведеву и В. Путину (в % от числа опрошенных)

Показатели доверия к двум первым лицам страны, достигнув максимума осенью 2008 г. (после войны с Грузией, причем доверие к В. Путину заметно выше, чем к Д. Медведеву), затем снизились и держались на этом более низком уровне до лета 2010 г., после чего снова упали. Стабильной остается доля россиян, которые не доверяют никому из нынешних политиков и не интересуются политикой.